

Гвардия в огне не горит!

Автор:

Юрий Корчевский

Гвардия в огне не горит!

Юрий Григорьевич Корчевский

Гвардия (Юрий Корчевский) #2 Героическая фантастика

Продолжение боевых действий Ильи Миронова, лейтенанта Росгвардии, попавшего на Великую Отечественную войну.

После ранения и госпиталя он вновь попадает в разведку и оказывается на самом опасном участке фронта – Курской дуге. Тяжелые дни немецкого наступления, а потом как распрямившаяся пружина – контрнаступление Красной Армии. Каждый уничтоженный гвардейцем враг – маленький шаг к общей победе!

Гвардия в огне не горит!

Юрий Корчевский

Гвардия в огне не горит!

© Корчевский Ю. Г., 2018

© ООО «Издательство «Яуза», 2018

© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«Годен к нестроевой»

Половину зимы Илья провёл в госпитале в Москве. Перелом костей левой голени, перелом двух рёбер. Обвалившиеся при взрыве мины брёвна блиндажа здорово покалечили. Но и это везение: из всего блиндажа только двое выжили, остальные в братской могиле. В госпитале раненые, обожжённые, только двое хоть и на фронте заработали проблемы, но, по всему, не боевые. У Ильи переломы, ещё у одного бойца – воспаление лёгких. Он сапёр, и почти всем взводом возводили деревянный мост: пришлось в холодной воде по грудь стоять. Ходячие раненые в столовой про обстоятельства ранений рассказывали, а Илья молчал. В госпитале хорошо – тепло, кормят три раза, бельё белое на кроватях, от которого на фронте отвыкли. Весна началась: в землянках и окопах сыро, обмундирование влажное, просушиться негде. У бойцов от сырости и холода чирьи по телу, кашель. Дороги развозить начало. Днём плюс и тает, ночью подмораживает – тогда к передовой можно снаряды и продовольствие подвезти. Хуже всего с авиацией. У немцев взлётные и рулётные полосы железными перфорированными листами выложены, и, несмотря на слякоть, немецкая авиация летает. А наши на приколе, по ночам только лёгкие бомбардировщики У-2 немцам спать не дают.

Через три недели госпитальной жизни, после передовой похожие на санаторный отдых, врачебная комиссия определила, кого выписать, кого оставить на долечивание. Нога у Ильи болела, ходил он прихрамывая и чётко понимал – в строевой части, особенно в разведке, ему пока не место. Случись марш-бросок или разведпоиск, когда за ночь приходится не один десяток километров проходить, да не по ровному асфальту, он обузой будет, не выдержит темпа. Но и в госпитале лежать уже сил не было. Постоянные стоны раненых или смерть безнадежных, особенно обожжённых танкистов, укреплению психики не содействовали.

Комиссия признала его годным к нестроевой службе в военное время с переосвидетельствованием через год, о чём Илья получил справку.

Грузовик перевёз выздоравливающих в запасной полк. Были и другие, демобилизованные по ранению. Те сами добирались до железнодорожных

вокзалов, ехали домой. Это кому везло и родной дом не был на оккупированной территории.

В запасном пехотном полку Илья пробыл один день. На следующий день после прибытия приехали «покупатели», как образно называли представителей воинских частей. В первую очередь забирали годных к строевой службе, технически подкованных – танкистов, артиллеристов, связистов, сапёров. Осталась в строю едва ли не четверть бойцов, годных к нестроевой. Такие в армии тоже нужны. Водители, ездовые, поскольку на конной тяге в первые годы войны передвигались многие подразделения. А ещё повара, парикмахеры, портные, фотографы, ремонтники и даже караульная служба в ближнем тылу. Илья для себя решил податьсь в шофера. С его ногами пока марш осуществлять затруднительно. С любой машиной или трактором обращаться умел, имел права, но всё осталось там, в другой жизни. А в этой никто права не спрашивал. В механики-водители танков брали трактористов: короткий курс по материальной части, несколько уроков вождения – и в бой. Да и водили в своём тылу устаревшие, как правило, прошедшие ремонт после подбития танки БТ-5, БТ-7.

На фронте же их качества, которые ценились до войны – быстроходность, способность идти по шоссе на колёсах, – негодились. На войне нужны другие качества – толстая броня и мощная пушка.

До войны машин и мотоциклов что в армии, что в народном хозяйстве было мало. С началом войны производство их стало расти, на примере немцев убедились, что моторизованная армия имеет преимущество в мобильности. А ещё авто- и бронетехника пошла по ленд-лизу, водителей же случилась нехватка.

Потому, когда очередной «покупатель» выкрикнул:

– Шофера есть? – Шагнули вперёд только двое. После ознакомления документов лейтенант подвёл их к полutorке, крытой брезентовым тентом.

– Садитесь, сейчас ещё в один запасной полк заедем.

И в этом полку нашёлся только один водитель. Поехали к Коломне, где формировался отдельный противотанковый дивизион. Один из бойцов, сидевший в кузове, как услышал про противотанкистов, расстроился:

– В мясорубке был, да видно, удача совсем от меня отвернулась. Знаешь, браток, как их в армии называют? «Прощай, Родина!» Потому что расчёты в бою успевают только несколько выстрелов сделать. А хуже всего, есть приказ самого товарища Сталина – из госпиталей противотанкистов только в свои части возвращать!

– Ты бы язык прикусил, – посоветовал другой боец. – Дойдут твои разговоры до особиста, в лагерь угодишь.

Штрафные роты и батальоны будут созданы позже, через четыре месяца. Служить придётся в автомобильной роте. На марше грузовики пушки буксируют, а как артиллеристы позиции займут, подвозят боеприпасы. Илье досталась потрёпанная полуторка довоенного производства, с полукруглыми штампованными передними крыльями и двумя фарами. Для экономии материалов и станкочасов автозавод в Горьком перешёл на крылья гнутые, и ставили одну фару, на водительскую сторону. С началом войны многие автомобили и трактора были мобилизованы в действующую армию. В тылу остались либо совсем «убитые», либо редкие, к которым запчасти найти сложно. Полуторка – машина неприхотливая, но маломощная. Шофера больше уважали грузовики ЗИС-5, прозванные «Захарами». Надёжны, грузоподъёмность три с половиной тонны, а ещё хорошая проходимость по грязи. Немцы сначала презрительно смотрели на наши машины, но после осенней распутицы и зимы 1941/42 года мнение своё изменили и «Захарами» охотно пользовались.

Илья, принимая машину, проверил ходовую часть, двигатель. Дымил движок, предвещая скорый ремонт. Через три дня дивизион был выдвинут на фронт. К полуторке Ильи прицепили пушку – «сорокапятку», в кузов погрузили несколько ящиков снарядов, забрались бойцы. Во главе колонны шёл бронеевтомобиль БА-10, за ним М-1 командира дивизиона, а потом машины с пушками на прицепе, тентованные грузовики с военным имуществом, замыкали колонну грузовики начпрода. Два везли полевые кухни и поваров, ещё один – провизию: макаронны, крупы, консервы, соль. За машинами ехали два мотоцикла с колясками, в них механики. Если на марше какая-то машина встанет из-за поломки, механики своими силами попробуют её отремонтировать. У немцев для таких целей в составе колонн были тягачи и полевые мастерские. Позже они появились в РККА.

Колонна шла на юг. На коротких привалах бойцы обменивались впечатлениями.

– Под Тулой оборону займём.

– А ты сводки Совинформбюро слушал? Ожесточённые бои на харьковском направлении!

Конечную цель марша знал только командир дивизиона. Илья полагал так. Если бы противотанкистов на самом деле направляли под Харьков, использовали бы железнодорожный транспорт. Получилось бы быстрее и экономнее. Так и вышло. Дивизион занял позицию между Тулой и Орлом.

Если в сорок первом году немцы рвались к Москве, окружили Ленинград, два самых больших города, то в сорок втором году сменили направление ударов. Осознав, что блицкрига не будет, война продлится долго и её исход будут решать ресурсы – людские, материальные и прочие, немцы двинули войска на восток, к Сталинграду, и на юг. На восток – там захватывали поля, на которых выращивали хлеб, а с выходом к Волге немцы могли отрезать подвоз нефти и нефтепродуктов от промыслов Азербайджана и Чечни. Башкирской нефти добывали мало, а в Сибири месторождения ещё не были разведаны.

Второе направление удара – на юг – давало возможность немцам захватить нефтяные промыслы. Немцы всегда испытывали нужду в бензине и моторных маслах. Румынская нефть с месторождений Плоешти шла на переработку, и бензином этим заправлялись авиация и танковые войска. Весь автотранспорт работал на синтетическом бензине, производимом из угля Силезии. Без нефти не работает техника, а немецкая армия была моторизована, нефть – это топка для горнила войны. Кроме того, прорыв в Чечню, Дагестан и даже Азербайджан позволял немцам развивать наступление к нефтеносным районам Ирана, Сирии, захватив эти районы, немцы могли двинуть армию в Индию, насолив англичанам. Колония богатая, и англичане не смогут её защитить. Планы у фюрера были грандиозные – мешал Советский Союз.

Прибыв на место, стали разворачиваться. Оборону занимал пехотный полк, противотанковые пушки ставили на танкоопасных направлениях. Получилось более чем скромно. Илья, имевший за плечами знания военного училища и боевой опыт боёв с немцами, сразу понял. Если немцы бросят на прорыв десятка два-три танков, позиции не удержать. Немцы силы не распыляли, концентрировали на узком участке, после артподготовки или авианалёта выдвигали бронированный кулак, проламывали на участке оборону Красной армии, прорыв расширяли пехота и самоходки, танки рвались вперёд. Опасаясь окружения, наши начинали отходить. Подобный сценарий повторялся десятки и

сотни раз. Справиться с ним можно было бы, значительно насытив войска пушками. В сорок втором не получилось. После потерь бывших территорий, после эвакуации сотен и тысяч заводов производство не восстановили, а Красная армия требовала патронов, пушек, танков, бензина, продовольствия. На случай войны создаются базы, где хранится мобилизационный резерв. Но рассчитывается он, исходя из военной доктрины. Товарищ Сталин сказал – воевать будем на чужой территории и малой кровью. Недоучки типа Будённого и Ворошилова клич подхватили. Запасов создали мало, склады придвинули к границам. В итоге резервы большей частью попали в виде трофеев немцам. Некоторые действия объяснить вообще невозможно. На линии «старой границы» создали укрепрайоны, соединив в линию Сталина. После подписания пакта Молотова – Риббентропа границы сдвинулись западнее, где на сто, а где и на триста километров. Вооружение: пушки, пулемёты, боезапас – из укрепрайонов сняли, а новую границу обустроить не успели.

За ошибки и заблуждения командования расплачивались своими жизнями бойцы. Сорок второй год выдался самым тяжёлым, когда и верили в грядущую победу, и всерьёз опасались поражения. Немцы к осени дошли до Волги, а на юге – до Кавказа.

Нехватка вооружения, боеприпасов усугублялась армейской структурой. Любая армия мира предполагает единоначалие. В Красной армии за командирами приглядывали представители компартии в виде политруков и комиссаров. Они военного образования не имели, но могли отменить любой приказ командира, руководствуясь «классовым чутьём». Один из ярких примеров – Лев Мехлис, с подачи которого был расстрелян не один толковый командир. Всё же ошибку осознали, ввели единоначалие, а политруки стали называться заместителями командира по политической части, замполитами.

Пушки расположили сразу за траншеями пехоты, замаскировали, причём топорно, ветками, на которых едва-едва стали проклёвываться из почек листочки. Немцы маскировали свою технику маскировочными сетями, причём разной окраски: осенью – жёлтой, летом – зелёной. В РККА маскировочные сети были, но в исчезающе малых количествах, а зря. Цена копеечная, а позволяют сбросить остро необходимую боевую технику.

В первые два года войны немцы однозначно лучше были оснащены, каждая мелочь продумана. Наши бойцы завидовали, но молча, иначе сразу припишут «неверие в отечественное оружие». Что злило и раздражало лично Илью, так это

насыщенность немецких войск техникой и снабжение боеприпасами. По ночам часовые из траншей пускали осветительные ракеты на нейтралку и постреливали из пулемётов. А наши комбаты внушали командирам орудий:

- Один снаряд в день, лимит!

Машину Илья загнал в небольшую лощину, срезал ножом вечнозелёные ветки елей. Для маскировки лучше нет. Срезанные ветки долго не желтеют, в отличие от лиственных, не демаскируют. Посмотрел со стороны – неплохо. Прошёл к пушке. Бойцы уже капонир успели отрыть, командир орудия прикидывал ориентиры. Вещь при стрельбе необходимая. К примеру, вражеский танк вышел к двум ёлочкам, а командир уже знает, что дистанция до них – триста пятьдесят метров, команду наводчику даёт. В горячке боя кто сможет определить дистанцию точно? Такие же стрелковые карточки заводили пулемётчики, снайперы. Илья в пехотную траншею прошёл, а там солдатики молодые, необстрелянные. Спросил командира взвода, младшего лейтенанта:

- Товарищ командир! А что за части немцев перед нами?

- Да кто его знает? Вчера прибыли, только окопы успели отрыть. А есть ли немцы перед нами, не знаю.

Вот тебе на! Если вчера прибыли, почему ночью разведку не выслали? Противника надо знать, чтобы ловчее бить. Спать отправился в машину, на земле спать ещё прохладно, не прогрелась. Бойцы-пехотинцы уже пару землянок вырыли, перекрыли в два наката брёвнами. Илья по опыту знал – мал накат, даже мина пробьёт. Слоёв семь-восемь делать надо, тогда надёжно, если гаубичный снаряд не угодит. Илья устроился в кузове, под брезентом. В кабине на сиденье мягче, но кабина маленькая, сидеть можно вдвоём, а лежать – с сильно согнутыми ногами, затекают. Ночью на немецкой стороне слышны были звуки моторов, лязг гусениц. Далеко, с километр, ночью звуки далеко слышны, но оптимизма это не внушало.

Утром пехотные траншеи обстреляли из миномётов, как определил Илья, калибр не меньше ста двадцати. Били не прицельно, скорее всего, прощупывали. Отзовётся русский пулемётчик или пушка выстрелит, немцы засекут. У них для этих целей в передовых траншеях есть артиллерийский разведчик, а ещё авиационный наводчик, оба с рациями, предмет зависти наших командиров.

Рации – это мобильность, быстрота. А телефонный провод перебило осколком – и всё, связи нет.

Утром Илья местность за траншеями пехоты не узнал. Далеко впереди появились проволочные заграждения, виднелись брустверы со свежей землёй. Немцы заняли позиции, наверняка сегодня ночью разведку пустят. Удвоить бы часовых. Илья колебался – стоит ли идти к командиру пехотного взвода? Да кто он такой? Старшина, шофёр артиллерийского дивизиона. Младший лейтенант может послать куда подальше, и будет прав. Откуда командиру взвода знать тактику немцев, когда он пороху не нюхал? У таких обычно самомнение на высоте, да ещё и в училище вбили, что Красная армия всех сильнее. Если так, почему отступаем?

Командир батареи приказал шоферам ехать на базу боепитания за снарядами. Вместе с Ильёй поехали ещё две машины. А на складе шофера и кладовщики столпились у столба, где репродуктор висел, слушают сводку Совинформбюро. Пока подошли, Левитан закончил, Илья спросил:

– Что передавали?

– Под Харьковом немцы наступают, наши ведут тяжёлые оборонительные бои.

Видимо, положение скверное. Получили по документам со склада ящики, выехали в обратный путь. Илья периодически в окно двери высовывался, за небом смотрел. Беспечных и неосторожных немцы быстро выбивали. Смотреть не только на дорогу надо, но и вверх. Неожиданно справа, параллельно дороге, – фонтанчики пушечных разрывов. Илья сразу по тормозам, двигатель заглушил и из кабины бросился. В этот момент его накрыл рёв мотора. Сзади догнал и низко пролетел «мессер». Следом второй. Машина – цель крупная, да ещё снаряды в ней. Илья отбежал подальше, в воронку упал, вверх смотрит. А «мессеры» развернулись и с пике из пулемётов по маленькой колонне ударили. Длинные следы от трассирующих пуль от самолётов к машинам потянулись. Потом частый железный стук. Самолёты пронесли и скрылись. На этот раз повезло. Самолёты сзади налетели, за работой моторов их неслышно было, да из кабины задний сектор не просматривается. Никого из шоферов не убило, машины не сгорели и не взорвались – уже удача. Правда, изрешечены сильно. Поменяли дружно пробитые пулями колёса на одной из машин, на другой заменили пробитую трубку системы охлаждения, долили в радиатор воды. Кабины в дырках – на задней стенке, на лобовом стекле. Всё отремонтировать можно.

Тронулись к позициям дивизиона. Илья укрыл грузовик в ложбине, бойцы из кузова носили ящики к орудиям. Можно было бы и подъехать, но тогда грузовик представлял бы собой отличную мишень для немецких артиллеристов, да и капониры пушек были бы обнаружены.

У немцев распорядок соблюдался. В восемь утра завтрак, потом уже методичный обстрел – из пулемётов и миномётов переднего края. В глубине пушки есть, но они молчат. Артиллерийские разведчики ещё цели не выявили.

Шофера снова в тыл, на этот раз за провизией для кухни. Одного хлеба дивизион за день съедал грузовик. Доставляли его из полевой хлебопекарни, работавшей день и ночь, поскольку снабжались все воинские части в округе. Пекли только ржаной хлеб, пшеничный получали только лётчики и высший комсостав. Илья как раз хлебом загрузился. Тёплый ещё, в мешках, пахнет восхитительно, аж слюни текут. Ехал одиночной машиной, на пассажирском сиденье начпрод дивизиона с бумагами восседает. Ещё не подъехали до передовой пару километров, как пушечную пальбу услышали. Начпрод сразу насторожился.

– А ну стой!

Илья остановил грузовик. Начпрод дверцу открыл, встал на подножке. Илья тоже выбрался из кабины. Гроыхало сильно, потом поблизости упал и взорвался шальной снаряд.

– Давай в укрытие, старшина, – приказал начпрод.

Он капитан, ему подчиняться надо. Илья грузовик под деревья загнал. Защита слабая, листьев ещё нет, и весь чахлый лес проглядывается хорошо. С самолёта укрытие как на ладони, но и «рамы» не видно.

Начпрод уселся на подножке кабины, закурил папиросу. На войне у каждого своя работа. Расчёты огонь ведут, а дело начпрода – накормить личный состав. Капитан явно хотел переждать стрельбу. А она не стихала, по ощущениям Ильи, звуки даже ближе стали, звучали громче. Каждый фронтовик по звуку разрыва уже сказать может, из чего стреляли. Вот и Илья определил. Сначала миномёты били, потом 105-мм пушки – гаубицы немецкие. А теперь, похоже, танковые пушки, у них звук выстрела другой. По всему выходит, после короткой артподготовки немцы в атаку пошли, двинули танки. Про танки и атаку Илья

начпроду сказал.

- Как - танки? - вскочил капитан. - А хлеб куда?

- Если парни отобьют атаку, пригодится хлебушек - съедят. А прорвутся танки... - Илья рукой махнул. Танков и окружения в войсках боялись. Вот и начпрод обеспокоился.

- Ты бы машину развернул на всякий случай.

- Если танки прорвутся - не поможет, из пушек расстреляют. Посмотреть надо, что творится.

Илья намеревался пешком до передовой дойти.

- Твоё место у машины! - сказал начпрод. - Запрещаю покидать.

С одной стороны - так, а с другой - узнать бы, как бой складывается. Из оружия только карабин, закреплённый за сиденьем в кабине, да револьвер у капитана. Против танков - беспомощное оружие. Илья карабин из кабины вытащил, затвор передёрнул, поставил на предохранитель. Полчаса минуло, мимо рощи потянулись раненые бойцы, кто ходить в состоянии был. Некоторые подходили к машине, просили закурить, капитан давал папиросы, интересовался:

- Как там?

Один из бойцов зло ответил:

- А ты сунь нос к траншее, сам посмотри.

- Боец! Как разговариваешь со старшим по званию?!

Боец только рукой махнул и пошёл дальше.

- Хорошо! Старшина, сходи к передовой, узнай.

– Не лучше ли проехать? Всё равно бойцам хлеб доставить надо.

Капитан колебался.

– Ладно, поехали. Но если что – сразу разворачивайся!

Как же, развернёшься, если немцы прорвутся. Всадят снаряд из пушки, выскочить не успеешь. Но всё же доехал Илья до ложбины. В этом месте со стороны немцев машина не видна, сам проверял. Выстрелы грохочут, пулемётная стрельба. Схватив карабин, пригнувшись, побежал к капониру. «Сорокапятка» выстрелила, через несколько секунд рядом с позицией рванула мина. Илью взрывной волной отбросило. Отплеваясь от земли, глаза протёр, на нейтралку посмотрел. Шесть танков, основные тогда Т-III, горят, ещё столько же маневрируют, ведут огонь. Один из танков прямо на капонир идёт, а пушки молчат. Илья пополз как мог быстро. Пушка цела, а все номера расчёта убиты миной. Илья затвор пушки открыл, снаряд уже в казённом. Затвор закрыл, через окно в щите вперёд посмотрел. До танка от силы сто метров. Хорошо видны блестящие траки, лобовой пулемёт огонь по траншее ведёт. Илья к прицелу прикинул, маховички подводки крутит. В прицеле крупно смотровая щель механика-водителя. Нажал кнопку спуска, пушка подпрыгнула от выстрела.

– Получи, гад!

На такой дистанции пушка пробил броню. Танк замер, из него повалил дым. Люк в башне откинулся, показался танкист. С нашей стороны тут же ударил ручной пулемёт, и танкист свесился из люка – убит. Танкистов наши пехотинцы ненавидели, шансов уйти из подбитой машины у немцев было немного. Ещё один танк прорвался на позиции пехоты, даже успел покрутиться по траншее, обрушиться. И вдруг вспыхнул. Илья пушечных выстрелов или взрыва противотанковой гранаты не слышал, видимо, кто-то из пехотинцев подобрался и бросил бутылку с «коктейлем Молотова», как называли горючий состав. Танкисты стали покидать горящую машину и тут же попадали убитыми.

Оставшиеся на поле боя четыре танка судьбу искушать не стали, начали пятиться и ушли, вместе с ними и немецкая пехота. Их пехота без поддержки танков или самоходок в атаку не ходила, потому потеря имела меньше, чем наши.

Атака захлебнулась, наступила тишина. Илья точно знал, что немцы сейчас или начнут артиллерийский налёт, или вызовут авиацию. Во время боя позиции пушек и пулемётные гнёзда установлены. Запасные капониры артиллеристы вырыть не успели. Да и видно их с самолёта, если маскировочной сети нет.

Однако, к удивлению Ильи, немцы обстреливать или бомбить не стали, видимо, сочли, что скоро начнёт темнеть и повторить атаку после налёта не удастся.

Илья собирался идти к командиру батареи, доложить, что расчёт убит. А комбат сам навстречу идёт.

- Товарищ лейтенант, разрешите доложить? Расчёт третьего орудия убит, геройски погиб.

- А пушка?

- Целёхонька, вмятины от осколков есть, даже прицел не разбит.

- Откуда знаешь, старшина?

- Стрелял в танк.

- Хм, ты же шофёр?

- Годен к нестроевой в военное время, а раньше приходилось.

- Жаль, я бы тебя командиром орудия назначил. Людей нет, два расчёта полностью погибли, ещё в одном заряжающего убило, в другом подносчика. Ладно, подносчика или заряжающего найти несложно. С наводчиками беда. Машина-то цела?

- Товарищ лейтенант, забыл совсем! В машине хлеб с хлебопекарни! Раздать батарейцам бы надо, пока не зачерствел и осколками не посеколо.

- Начпрод в курсе?

– Так я с ним приехал.

– А где он? Я не видел. Веди к машине.

Грузовик стоял целёхонек, начпроды нигде не было. Комбат брезент откинул, взял ржаной кирпич, вцепился зубами, прожевал.

– За весь день хлебной крошки во рту не было, немцы поесть не дали. Старшина, ты машину постереги, я бойцов за хлебом подошлю. И с кухни подносчиков нет. Ну я их вздую!

Подносчики с кухни в больших армейских термосах разносили пищу – суп, кашу, чай. Только в боевых условиях получалось не всегда. А после боя всем желающим добавку давали, погибшие-то ещё утром в списках батарей и дивизиона значились. Комбат не забыл: через полчаса подошли три бойца, часть хлеба забрали в сидорах. Ещё через четверть часа пожаловал начпрод с солдатами, унесли в бязевых мешках остальной хлеб. Илья оставил в кабине буханку. Когда темнеть начало, устроился в кузове, доел хлеб. Всё лучше, чем пустое брюхо. Вечером подносчиков ждал, они так и не пришли. Ночью совсем рядом вспыхнула стрельба. Илья вскочил, схватил карабин, кинулся к капониру с пушкой. Убитых уже не было. Либо батарейцы забрали, либо похоронная команда. Были такие на фронте, формировались из годных к нестроевой службе. Тягостная служба, но необходимая. Сколько неуспокоенных на полях сражений так и остались в военное время и после. У немцев с этим чётко. Правда, пока немцы до сорок третьего года, до Курской дуги, гнали Красную армию, похоронить павших иной раз никакой возможности не было. Немцы хоронили только своих убитых.

Из траншеи пехотной по нейтралке из автомата лупят длинными очередями. Неразумно, только расход патронов. Илья – к траншее перебежками. В стрелковой ячейке молодой солдатик с ППШ, рядом – командир взвода.

– Куда он пропасть мог?

– Не знаю, товарищ лейтенант, похоже, утащили его немцы.

– А что случилось-то?

- Ты кто? - строго спросил лейтенант.

- От пушкарей. Переполошили всех стрельбой.

- Рядовой Смыков говорит, пропал часовой, сослуживец его по отделению, рядовой Калмыков.

- Так точно! Я шум услышал, вроде вскрик послышался. Прибежал, окликаю, а он не отзывается, - начал оправдываться боец.

- А стрелял зачем? И по кому?

- Показалось, есть кто-то на нейтралке, вроде шевеление.

- Вроде показалось! Ты не пьян, Смыков?

- Никак нет, даже фронтовые сто грамм не успел.

- Товарищ лейтенант, позвольте на нейтралку сползать?

Без разрешения командира выходить на нейтральную полосу не позволялось. Только разведчикам, сапёрам и снайперам, да и то с ними командир должен подойти, предупредить командира пехотного подразделения на участке. Делалось во избежание дезертирства, всё равно не помогало. Кто хотел уйти - находил возможность.

- Разрешаю.

Ни ножа, ни пистолета, ни автомата при себе, а карабин - помощник скверный, если боестолкновение случится. А выбора нет. Карабин за спину закинул, выбрался из траншеи, несколько метров шагнул, потом лёг и пополз. Уже по привычке шарил перед собой руками. Наши не минировали не потому что ленились, мин не было. Да и немцы, когда наступали почти ежедневно, тоже мины не ставили, чтобы самим не подорваться. На первого убитого наткнулся метрах в тридцати от траншеи. Немец, убит наповал, труп тёплый ещё. Суки, разведка! Не ошибся Смыков. Утащили «языком» Калмыкова. Илья дальше пополз. Ещё один убитый, на этот раз в нашей форме. Неужели их Смыков из

автомата завалил? Ну, прямо «ворошиловский стрелок»! В темноте и точно угодил. Илья прополз ещё немного. И ещё один труп, немец. Обычно в поиск выходили группой не меньше трёх-четырёх человек, это полковая, когда шарят в ближних тылах противника. У дивизионной разведки радиус действия побольше и группы до шести человек, зачастую и радист имеется. А армейская уходит на полсотни километров, а то и дальше, зачастую имеет связь с подпольем или партизанами. Илья и дальше прополз, но ничего интересного не обнаружил. С немцев снял ножи в ножнах, пистолеты, которые в карманы брюк попрятал. Главное – документы достал и в нагрудный карман гимнастёрки определил. В отличие от наших разведчиков, сдающих перед поиском все документы старшине, немцы всегда при себе имели документы, как и жетоны. В плен попадут – личность известна, убьют – опознать можно, сообщить родным похоронкой, списать из списков воинской части. А сколько без вести сгинуло наших разведчиков? Ведь даже награды сдавали, а на орденах номера есть, по которым опознать можно.

Нашего убитого солдата Илья за ворот гимнастёрки поближе к траншее подтащил, крикнул:

– Помогите убитого Калмыкова до траншеи дотащить!

– погоди, сейчас!

К Илье подполз сам лейтенант:

– Что у тебя, старшина?

– Двое убитых немцев, разведчики. Документы я забрал, их бы лучше в разведотдел полка сдать.

– Сам знаю, не учи.

– Ты извини, лейтенант, тут такое дело. Если ты всю правду особисту расскажешь, разжалуют тебя. Это же ЧП в подразделении: часового немцы утащили.

– Свою версию предложить хочешь?

- Обязательно! Часовой Калмыков разведчиков неприятельских обнаружил, вступил в перестрелку, геройски погиб, убив двух гитлеровцев, их документы имеются. Вместо фитилей получишь благодарность.

- Старшина, ты не из евреев будешь? За минуту ситуацию просчитал.

- Пусть Смыков язык за зубами держит. Ну, берись! Калмыкова в траншее убитым «нашли», а не на нейтралке.

Дотащили убитого до траншеи. Лейтенант обматерил Смыкова:

- Раздолбай! Двух немцев убил и своего товарища! Знаешь, что за это бывает? Трибунал!

- Да... не хотел я! В темноте не видно ничего.

- Тогда помалкивай, не было тебя здесь.

- Так точно! – сообразил Смыков.

Старшина достал из кармана документы немцев, отдал командиру.

- Ну, старшина, выручил! Слушай, зачем тебе пушкари? Переходи в пехоту, я сам к комбату схожу, походатайствую.

- Товарищ лейтенант! Указание товарища Сталина было – артиллеристов из противотанковой артиллерии никуда не переводить, я имею в виду другие рода войск. Свидимся ещё, до свидания.

Жизнь пехотинца на передовой недолга. Командир взвода, если наступления нет, – две-три недели, потом ранение или смерть. У рядовых жизнь на фронте ещё короче. Нет на фронте безопасных должностей, если только повар при штабе дивизии.

Илья вернулся к своему грузовику. Ночь не зря прошла, разжился пистолетами и ножами. Всё «богатство» под сиденье определил, в инструментальный ящик. Обмотал промасленной тряпкой от посторонних глаз. Носить бойцу нештатное

оружие, тем более германское, воспрещалось. Но Илья цену ножам и пистолетам знал, как оружию последнего шанса. Уж всяко при близком столкновении пистолет лучше карабина. Еще лучше бы автомат иметь, однако промышленность не освоила ещё в массовом производстве ППШ. По мере насыщения этим оружием в стрелковых полках создавали роты автоматчиков, чего у немцев до конца войны не было. Вот в чём немцы превосходили в пехотных подразделениях, так это в пулемётах и ротных миномётах.

Только спать в кузове улёгся, по борту стучат:

- Сафронов, ты здесь?

- А где мне ещё быть?

- Как разговариваешь с командиром батареи, боец?

- Прошу прощения, виноват!

Илья выпрыгнул из кузова, застегнул верхнюю пуговку на гимнастёрке. Главное – повиниться вовремя, хоть и не виноват, тогда без наказания останешься. Впрочем, чем и как можно наказать на передовой? Нарядом на кухню? Так это поощрение! Да и кто баранку крутить будет?

- Заводи свой грузовик, даю трёх бойцов. Километрах в пяти отсюда грузовик нашего дивизиона бомбой повредили. Надо груз перегрузить и доставить.

- Есть!

Бойцы в кузов забрались. Илья завёл мотор, погрел немного, выехал. Видно плохо, ночь безлунная, а единственную фару включать опасно: немцы из миномёта или гаубицы накروют. Отъехать с километр хотя бы. Остановился:

- Бойцы! Пусть один вперёд идёт, не видно ничего. И гимнастёрку снять, нательная рубаха видна будет.

Один из бойцов гимнастёрку стянул, пошёл по дороге. Нательная рубаха белым пятном как путеводная звезда. Как проехали на безопасное расстояние, Илья

грузовик остановил:

- Садись в кабину, фару включу.

Через час неспешной езды наткнулись на грузовик. Из дивизиона, Илья сразу по номеру на дверце кабины опознал. На правой стороне машины сплошные пробоины от осколков. Кабина, моторный отсек, кузов как решето. Один из бойцов в кузов грузовика забрался.

- Что там?

- Сам полезай! Харчи!

Другой боец сразу полез в кузов.

- Да пошутил я! Снаряды и патроны винтовочные.

У бойцов дивизиона карабины, патроны к ним. У нескольких командиров револьверы выпуска дореволюционного, со складов. Илья подогнал свой грузовик борт к борту, бойцы ящики передавать друг другу стали. Час-полтора – и весь груз перегружен. А уже и светать начало. Назад добирались уже без включённой фары, в предрассветных сумерках. Пока грузовик разгружали, Илья на кухне успел побывать, горячего чаю попил.

В восемь тридцать, как по расписанию, начался артиллерийско-миномётный обстрел наших войск. Авианалёты совершались обычно рано утром – в пять-шесть часов, для авиации время самое удобное, хорошая видимость и воздух спокоен, турбулентности нет или минимальная. А артиллерийские налёты – это уже после завтрака, который у немцев строго по часам, педантичная нация.

Пехота и другие рода войск уже знали, за артиллерийским налётом последует атака. Взрывы бушевали четверть часа, разрушены были ходы сообщения, блиндажи, пулемётные гнёзда. Пушки, что недалеко от грузовика была, взрывной волной перевернуло набок, но не повредило. Расчёт переждал артналёт в щели, после обстрела выбрался, поставил пушку на колёса. «Сорокапятка» лёгкая, полтонны весом, в бою расчёт пушку перекачивает, не то что гаубицы МЛ-10 или МЛ-20 – те только тягачом передвигать.

После налёта танки в атаку пошли, за ними пехота. Для танков местность подходящая, не то что болотистая Белоруссия. Танкам, особенно крупным соединениям, простор нужен, и ростовские или сальские степи для этого лучше всего подходят. Туда и начали рваться немцы, имея конечной целью летней кампании 1942 года взятие Сталинграда. Немцы наступали широким фронтом, удар их главных сил пришёлся южнее позиций, которые защищал дивизион, где служил Илья. Не наступать здесь немцы не могли, иначе бы оголили свой левый фланг. Причём танковые части были немецкие, а пехота и румынская, и венгерская, и итальянская. Позже выяснилось – вояки они слабые, немцам не чета.

Пушкири должны выбить танки, этот бронированный кулак, а пехота – уничтожить пехоту вражескую.

Илья лежал за пригорком, наблюдал за полем боя. Расчёт пушки был собран с бора по сосенке взамен погибшего, не сработан, не сложен. Но командир расчёта толковый. Обнаруживать себя раньше времени не стал. Дальше полутора сотен метров стрелять бесполезно, слабовата «сорокапятка». После боёв сорок первого немцы навесили на лобовую броню танков Т-III и Т-IV дополнительные листы, усилив защиту.

Напряжение нарастало, Илья видел, как из траншеи стали выглядывать пехотинцы, смотреть в сторону пушкарей. Почему, дескать, медлят, не стреляют? Прорвутся же танки. Почти одновременно ударили несколько пушек. Два танка застыли неподвижно, но не горели, ещё один с разорванной гусеницей развернулся, подставив борт. Пушкири тут же всадили снаряд, бортовая броня всегда тоньше лобовой. Танк вспыхнул сразу и весь. Танкисты попытались покинуть горящую машину и были убиты. Но танков было много, пушкари себя обнаружили. Для танкиста противотанковая пушка – главный враг. Сразу несколько танков открыли огонь по пушке. Один из снарядов угодил в броневой лист пушки, убил заряжающего. Снаряд другого танка ударил в колесо пушки, погиб наводчик. Пушка скосбочилась, из пробитого осколком накатника ручейком бежит стеол. Всё, пушке дорога только на ремонтный завод, в полевых условиях сделать ничего невозможно. Но кто-то из расчёта остался, Илья видел шевеление. И этот воин пополз к траншее. При каждой пушке всегда было несколько противотанковых гранат. Сейчас боец полз и в каждой руке держал по гранате. Танкисты чётко видели перекошенную пушку в капонире, для них она уже угрозы не представляла, и танк шёл на траншею смело. Хлопали винтовочные выстрелы, оттесняя от танка пехоту. Танк опорными катками

траншею переехал, начал разворачиваться – и вдруг взрыв на корме. Пушкарь всё же метко швырнул гранату. На немецкой технике моторы исключительно бензиновые, в закрытом объёме моторного отсека скопившиеся пары бензина мгновенно вспыхнули, над кормой поднялся столб пламени, потом сразу взрыв боекомплекта. Башню у танка снесло, экипаж погиб. По следам сгоревшего танка полз другой. Танкисты и самоходчики всегда старались делать так во избежание подрыва на mine. Илья пополз к траншее. Может быть, у кого-то из пехотинцев есть гранаты или бутылки КС с горючей жидкостью. Лежать и смотреть, как танки вот-вот прорвутся, не было никаких сил. Слева и справа от того места, где находился Илья, хлопали пушечные выстрелы. Слабовата пушка оказалась. Командование РККА купило у немцев патент на выпуск 37-мм противотанковой пушки, решили повысить мощность, на немецкий лафет наложили 45-мм ствол. В армию пушка пошла с 1937 года под обозначением 53-К. В сорок первом году пушка справлялась с бронёй Т-II и Т-III и с трудом с танком Т-IV. А когда немцы усилили основные танки дополнительными листами, пушка перестала отвечать предъявляемым требованиям. В 1942 году в производство пошла модернизированная пушка под обозначением М-42, главное отличие – удлинённый ствол. Устаревшую 53-К, которой выпустили к началу 1943 года 37 354 штуки, с производства сняли. Снять бы её совсем, да перейти на выпуск 57-мм пушки ЗИС-2, да побоялись в наркомате. Производство 53-К отлажено, есть станочный парк, и бойцов переучивать не надо, а кроме того, переналаживать заводы по выпуску боеприпасов – дело затратное и небыстрое. По штату на стрелковый батальон полагалось две пушки 53-К, на стрелковый полк – батарея из 6 пушек, а противотанковый дивизион имел 12, а отдельный – 18 пушек. К пушке М-42 был разработан подкалиберный снаряд, пробивавший по нормали (угол встречи снаряда с бронёй – 90 градусов) на дистанции 500 метров броню в 66 мм толщиной.

Один танк, ворвавшийся на позиции пехоты, артиллеристы подбили, второй пошёл, пропустив траншею между гусениц. Стенки траншеи не укреплены, стали рушиться, придавливая наших пехотинцев. На пулемётном гнезде танк покрутился, вдавив «максим» и пулемётчика в грунт. Кто-то из пехотинцев швырнул гранату, она угодила под гусеницу. Ахнул взрыв, перебило палец, траки разъединились. Танк развернуло. Взвыл и затих двигатель. Танкисты стали разворачивать башню. Танк лишился хода, но пушка и пулемёты были целы, и танк представлял сейчас ДОТ. Илья подобрался сбоку, стал прикладом карабина бить по стволу пулемёта, согнул его, спрыгнув на землю, зачерпнул горсть земли, сунул в ствол пушки. А вот теперь пусть попробуют выстрелить! Ствол разорвёт! Танкисты опасность осознали, башня развернулась, раздался pistolетный выстрел, за ним другой. По обеим боковым стенкам и на задней

были специальные отверстия, прикрытые броневыми пробками. В случае необходимости экипаж через них мог отстреливаться, что и произошло сейчас. Первая пуля слегка задела левое предплечье, Илья сиганул в траншею, и второй выстрел не причинил вреда.

- Ах ты, недобиток! Сейчас я тебя поджарю!

К Илье подбежал красноармеец. Илья спросил:

- Гранаты или бутылки с зажигательной смесью есть?

- Нет.

- Ищи что-нибудь, что гореть может.

Илья нашёл полуприсыпанную доску, а боец - несколько газет и промасленную тряпку.

- Сгодится! Ты винтовку приготовь и за днищем танка смотри, танкисты могут полезть.

Илья разложил под кормовой бронёй, где двигатель, газеты, поджёг зажигалкой, в разгоревшийся костерок подбросил доску, а сверху тряпку. Тряпка занялась быстро, дым от неё удушливый повалил. Илья стволом карабина тряпку подцепил, из-под танка выбрался, бросил её под погон башни. Дым в башню потянуло, экипаж кашлять начал. Илья предупредил бойца:

- Как люки открывать станут - сразу стреляй!

От костра под танком вспыхнула краска, а через некоторое время из моторного отсека вырвалось пламя. Танкисты поняли: счёт пошёл на минуты. Откинулся люк, закричали:

- Нихт шиссен!

Ага, умные нашлись! Им стрелять можно, а нашим нет. Илья вскинул карабин и, как только показался танкист, выстрелил. Если бы не пожар в моторном отсеке,

немцы бы отсиделись, поджидая помощь от своих. В танке рация есть, наверняка со своими связались. Бабахнул выстрел. Это пехотинец стрелял по танкисту, пытавшемуся выбраться через нижний, десантный люк. Через несколько минут стало не до танка. К траншее подбегали солдаты, причём не немцы. Другая форма, слышны команды на непонятном языке.

Наши пехотинцы открыли огонь – из автоматов, винтовок, пулемётов. Немцы бы залегли, начали бросать гранаты, короткими перебежками продвигались вперёд. Эти же, понеся потери, сначала залегли, потом побежали назад.

Сначала итальянские военнослужащие, направленные диктатором Муссолини на помощь Гитлеру в СССР, назывались итальянским экспедиционным корпусом, и численность его составляла 54 тысячи человек. Корпус состоял из трёх дивизий – 52-я пехотная «Торино», 9-я пехотная «Пасубио» и 3-я пехотная «Челери». Имели артиллерию на конной тяге, лёгкие танкетки и устаревшие танки «Фиат-600». 17 июля 1942 года численность корпуса возросла за счёт прибытия семи дивизий – 2-й пехотной «Сфорцеска», 5-й пехотной «Коссерия», 156-й пехотной «Виченца» и 6-й пехотной «Равенна» и ещё трёх берсальерских. Корпус переименовали в 8-ю итальянскую армию, численность её достигала 230 тысяч человек к сентябрю 1942 года. Находился корпус в оперативном подчинении немецкой 17-й армии генерала Рихарда Руоффа. Итальянцами командовал генерал Итало Гарибальди. Для действий по прорыву советской обороны 8-й армии были приданы две немецкие танковые дивизии – 298-я и 82-я. Также в армию входили три бригады чернорубашечников-нацистов и Хорватская добровольческая бригада. Армия имела 988 пушек, 420 миномётов, 64 самолёта, 17 тысяч автомашин и 25 тысяч лошадей. Армия участвовала в боях на Донбассе, под Воронежем, на Среднем Дону и в Сталинграде. По какой-то нелепой случайности именно там, где участвовал в боях Илья.

Общими усилиями пехоты и артиллеристов атаку удалось отбить. Илья подошёл к разбитой пушке, посмотрел на погибших и направился к командиру батареи. По пути к одному капониру подошёл, к другому, и везде картина одинаковая – пушки разбиты, причём от одной буквально небольшие железные останки, видимо, в пушку прямым попаданием угодила крупнокалиберный снаряд, не меньше 105 мм – была у немцев такая полевая гаубица.

А на месте землянки комбата только воронка от снаряда. К Илье два бойца подошли:

- Ты из какой батареи?

- Я из автороты.

- Тогда пошли к комдиву.

Обычно комдивом называли командира дивизии, а у них – дивизиона. Штаб артиллеристов располагался в деревушке, в километре от передовой. Не успели к избе подойти, где комдив расположился, а майор уже сам на крыльцо вышел.

- Товарищ майор, разрешите доложить? – вскинул руку к пилотке Илья.

- Докладывай.

- Старшина Сафронов, из автороты. От четвёртой батареи ни одного целого орудия не осталось. Моя машина за позициями батареи стояла. Жду приказаний.

- Машина на ходу?

- Так точно!

- Гони её сюда. Если по дороге батарейщиков встретишь, сажай в кузов.

- Слушаюсь!

Приказ отдан, надо исполнять. Илья до грузовика добрался, а у машины два пехотинца бензин из бака сливают в ведро. Сцепился с ними Илья:

- Вы что же грабежом занимаетесь? Без бензина грузовик – недвижимое имущество! А ну сливайте в бак!

- Нам в бутылки залить. Чем танки останавливать? Посмотри – ни одной пушки целой.

- Ладно, идите.

Пехотинцев понять можно. Если танки снова пойдут в наступление, останавливать их нечем. Из дивизиона осталось две пушки, как слышал он у штаба. В траншеях гранат уже не осталось, как и бутылок КС.

Завёл мотор, дал на холостых поработать немного, поехал к штабу. Сколько ни посматривал по сторонам, а батарейщиков не видел. Не зря артиллеристы «сорокапятки» получили печальное, но точное прозвище «Прощай, Родина!». Солдаты на язык остры, дадут прозвище – не в бровь, а в глаз. И пошло оно гулять по всем фронтам. Причём прозвища давали не только красноармейцы, но и солдаты вермахта. Например, в 1943 году, когда Илья пленного взял, тот про наш штурмовик Ил-2 сказал «цементный самолёт». Илья удивился:

– Почему?

– Сбить трудно, по нему стреляешь, а он летит.

Немцы называли наши «катюши» «сталинским органом» за характерный звук, красноармейцы немецкий шестиствольный реактивный миномёт – «ишаком», тоже за похожий звук.

Глава 2

«Отступление»

В кузов погрузили нескольких раненых, в кабину уселся усатый военфельдшер:

– Поехали!

– Куда?

– В медсанбат, я покажу дорогу.

Да какие на фронте дороги? Одни направления. Прошли два танка на позиции, за ними несколько тягачей с пушками, по их следам другие едут – готова

фронтальная дорога. На кочках трясло сильно, раненые от боли матерились, стучали по кабине:

- Эй, не дрова везёшь!

Всё же усатый медик дорогу знал, к госпиталю на окраине села вывел точно. Однако раненых не приняли: шла эвакуация. Их перевозили на железнодорожную станцию. Военврач в белом халате, заляпанном пятнами крови, махнул рукой:

- Езжай на станцию, там бойцы помогут раненых в вагоны перегрузить, потом возвращайся. Надо помочь перевезти, у нас всего две машины, а раненых полторы сотни.

Илья мысленно охнул. В полуторку входило четверо лежачих и двое легкораненых, которые могли сидеть. От госпиталя к станции - укатанная гравийка, добрались быстро. На станции бойцы, явно нестроевые, все в возрасте за полтинник, перегружали раненых в санитарные вагоны.

Илья успел съездить четыре раза, когда на станцию налетели пикировщики Ю-87, прозванные «лаптежниками» за неубирающееся шасси с обтекателями. Да собственно, и не станция была, а разъезд. И стоял на нём единственный поезд, на крыше и стенках которого крупно красные кресты в белом круге нарисованы. На первых порах наивно полагали, что кресты защитят от обстрелов и бомбардировок, ведь СССР и Германия в своё время подписали международные конвенции. Как бы не так! Не обращали немцы внимания на красные кресты. Вот и сейчас ведущий самолёт свалился в пике, сбросил две бомбы, обстрелял вагоны из курсового пулемёта, взмыл вверх. В пике пошёл следующий самолёт, а поезд уже гореть начал. Из вагонов крики. Санитарки и бойцы, что помогали раненых грузить, попытались хотя бы транспортабельных вывести. Одна бомба попала в вагон, другая во второй угодила. Чёрный дым повалил. Уйти бы эшелону с разъезда - на ходу попасть тяжелее, а состав без паровоза, видимо, после погрузки подойти должен. Кто из раненых уцелел, сами выбираться из вагонов начали, прыгали на насыпь.

На разъезде ни зенитной пушки, ни пулемёта, никакого противодействия авиации. Потому «лаптежники», не торопясь, прицельно сбросили бомбовый груз, потом обстреляли поезд из пулемётов.

Илья наблюдал за трагедией с дороги, выбравшись на подножку. В кузове раненые, которых он не успел довести до разъезда. Илья развернул машину и обратно в госпиталь. Объяснять ничего не пришлось, бомбёжку санитарного поезда персонал видел.

У начальства госпиталя связи с вышестоящим начальством нет. Куда везти раненых? Бросить беспомощных людей нельзя. А транспорта не хватает даже для раненых, а ещё персонал есть, лекарства, инструменты.

В кабину Ильи сел военврач:

- Едем. Только не гони, за нами два «Захара», там самые тяжёлые раненые.

- Товарищ доктор, не знаю вашего звания, мне в дивизион надо. Приказ был – до медсанбата раненых довести.

- Тогда останавливайся и выброси их в голом поле! Ну, что медлишь?!

- Так не по-людски.

- Тогда езжай.

- В дивизионе тоже люди и пушки, тоже спасти надо.

- Найдём госпиталь, разгрузимся, и езжай на все четыре стороны.

Кабы ещё знать, где этот госпиталь? Через час езды по ухабистой дороге добрались до посёлка Тёплое, где располагался госпиталь. Раненых выгрузили, и Илья с облегчением перевёл дух. Всё же ответственность – раненых везти. И назад в дивизион поехал. Заправиться бы где-нибудь – указатель топлива показывал четверть бака.

В дивизионе, едва мотор заглушил, к нему помпотех подбежал:

- Ты где был?

А сам злой, едва за кобуру не хватается.

- По приказу комдива раненых в госпиталь отвозил.

Помпотех сразу поостыл, да проверить решил, вскочил на подножку, в кузов заглянул, а там обрывки бинтов, клочки окровавленной ваты.

- Подмети кузов и езжай ко второй батарее, надо пушки до темноты перевезти, а куда - комбат покажет.

- Есть!

Где стояла вторая батарея, Илья знал. На этом участке немцы не атаковали, наши сапёры ещё до подхода гитлеровцев успели поставить несколько мин. Немцы их обнаружили, решили - впереди минное поле, разминировать на виду у русских хлопотно и опасно. Да и зачем, если в других местах мин нет? Потому пушки отсюда комдив приказал перевезти на танкоопасные места. Одну пушку с зарядным передком благополучно успел Илья перевезти, назад поехал за второй пушкой. Впереди в небе показалась точка, довольно быстро приближающаяся. Илья машину остановил, бросился из кабины, упал за деревцем. За рёвом мотора истребителя - еле уловимый треск пулемёта. Илья услышал, как по машине бьют пули, посыпалось стекло. Немец развернулся, снова стал пикировать, Илья обежал вокруг дерева. Не бог весть какая защита, но лучше, чем ничего. На этот раз лётчик стал стрелять из пушки - не понравилось ему, что грузовик не загорелся после обстрела. Несколько разрывов на земле, потом снаряды по машине угодили. Чёрный дым вверх потянулся. «Мессер» описал круг, любясь проделанной работой. Илья в бессильной злобе погрозил лётчику кулаком. От кузова машины валил дым, показался огонь. Открытой воды рядом - озера, реки - нет. Похоже, конец грузовику. Илья подбежал к кабине. От горящего кузова уже жар идёт. Успел схватить карабин и вытащить пистолет из-под сиденья. А уже краска на кабине занялась пламенем. Кинулся из кабины. Хорошо, успел карабин спасти. За утрату боевого оружия на фронте наказание суровое - трибунал. Поди докажи, что не бросил его в реку или не утопил в болоте.

С начала войны до первого мая 1942 года потери СССР составляли 6,84 млн человек, из них 4,0 млн безвозвратными. Германия за это время потеряла один миллион военнослужащих, а восполнить пополнением смогла 450 тысяч. На Восточном фронте Германия потеряла с начала войны по апрель 1942 года 3319

танков и 173 САУ. И если раньше вермахт наступал на всех фронтах широкой полосой, то сейчас план действий на летнюю кампанию изменился. На совещании в апреле 1942 года Генштаба Сухопутных войск и Гитлера были разработаны две операции: «Блау» и «Клаузевиц». Наступление на Москву решили отложить, захват города не давал стратегических преимуществ, а потери грозили быть большими.

Сначала следовала операция «Блау», когда две армейские группировки образуют клещи. Северная часть – из района Курска и вдоль реки Дон на юго-восток, южная группировка – из Таганрога на восток. Обе части клещей должны были соединиться у Сталинграда, окружив тем самым части РККА между Доном и Донцом и уничтожив их.

Затем следует операция «Клаузевиц» – наступление от Таганрога и Ростова на Кавказ, ставя задачей захват нефтеносных районов Чечни и Азербайджана. Операция «Блау» удалась: к осени немцы вышли на правый берег Волги.

Сталин ошибочно считал, что немцы исчерпали свои силы и наступать не смогут, а наш Генштаб полагал, что немцы, как и в сорок первом году, попытаются взять Москву, и усиливали оборонительные рубежи. Иосиф Виссарионович, как Верховный главнокомандующий, настаивал на наступательных операциях РККА с задачей – до конца 1942 года освободить оккупированные районы СССР, выйти к западной границе и занять оборону там.

Мнение Генштаба и Сталина было ошибочным, базировалось на неправильных выводах о мощи Красной армии и слабости вермахта. И ближайшие месяцы показали просчёты Генштаба и Сталина: немцы за три месяца взломали нашу оборону и добрались до Волги. Напряжением всех сил и большими потерями их удалось остановить. А возьми немцы Сталинград, в войну вступила бы Япония, колебалась Турция. Кроме того, перережь немцы судоходство по Волге, и Красная армия осталась бы без горючего и нефтяных полей Чечни и Азербайджана, ведь нефтепродукты доставлялись танкерами по Волге.

Первой частью операции «Блау» был захват Воронежа 4-й танковой армией немцев. Им противостоял наш Брянский фронт в составе трёх армий – 61, 13 и 3-й (18 стрелковых дивизий и три отдельные танковые бригады). Оборона строилась в один эшелон, хотя по всем канонам полагалось минимум два, а лучше три эшелона, да где взять войска, если одна дивизия обороняла 15 км по фронту? Брянский фронт весной 1942 года занимал позиции от Белёва в

Тульской области до населённого пункта Долгое, всего 350 километров. Брянскому фронту противостояли немецкая 2-я танковая и 2-я полевая армии, всего 20 дивизий, значительно больших по численности, чем в Красной армии.

Дивизион, где служил Илья, немцы при наступлении задели своим левым флангом, основные силы прорывались южнее.

Сейчас, потеряв грузовик, он поплёлся к комбату доложить о потере. Оказалось, самолёт видели, только кого он обстреливает, не знали. Однако поставленную задачу никто не отменял. За неимением грузовика пушку катил руками расчёт, благо лёгкая она. Прикатили на позицию, двоих отправили обратно за передком, остальные рыли капонир, потом маскировали. Илья чувствовал себя не в своей тарелке. Безлошадный он вроде как и не нужен. Артиллерийскими специальностями, тем же наводчиком, не владеет, да ещё и запись – годен к нестроевой. Свободных машин в автороте нет, а безлошадные шофера есть. Подошёл к комбату, попросился оставить на батарее.

– И кем же я тебя оставляю, Сафронов? – комбат недоумевал.

В расчёты пушек нужны люди с подготовкой, хоть и небольшой.

– У тебя сколько классов образования?

Ага, сказать бы – высшее военное, так за глупую шутку примут.

– Девять.

– Ага, грамотный. Карту читать умеешь? – Комбат развернул карту, ткнул пальцем. – Это что?

– Мост через реку.

– А это?

– Одиночно стоящее дерево.

– Верно. А это?

- Кладбище, рядом холм, по-военному высота 202.

- Хм. А зрение хорошее?

- Не жалуюсь.

- Возьму-ка я тебя артиллерийским разведчиком.

Илья удивился. Артиллерийский разведчик из передовой траншеи путём наблюдения через оптические приборы высматривает цели – пулемётные гнёзда, ДОТы, миномётные батареи. В случае ведения огня своей батареей корректирует огонь по радию или проводному полевому телефону. Вроде всё правильно, но для артиллерии полевой, способной стрелять с закрытых позиций, где без корректировки никак нельзя. Противотанкисты же всегда стреляют по видимой в прицел цели – танкам или САУ, и корректировщик им нужен, как телеге пятое колесо.

Но раз комбат предлагает, почему не попробовать? В армии согласия не спрашивают, командир отдаёт приказы, а дело подчинённых – исполнять. Однако комбат ликбез провёл. Как определять дистанцию до цели, измерять перелёты или недолёты. На всё обучение – полчаса. Потом сказал:

- Пошли на передовую, посмотрим, насколько ты наблюдательный.

Комбат вручил ему бинокль. А до передовой траншеи – полсотни метров. Спустились в траншею, обустроились в пустой стрелковой ячейке.

- Смотри и докладывай.

Илья к биноклю приник:

- Прямо перед нами двести – пулемётное гнездо, – начал он.

- Поясни.

– Ветками замаскировали, да поленились обновить – листья засохли, выделяются. Стрелковую ячейку ветками не маскируют. Стало быть, пулемёт стоит.

– Хм, глазастый.

– Левее семьдесят – наблюдательный пункт, стереотруба стоит.

– Не может быть, ну-ка дай бинокль.

Комбат приложил оптику к глазам. Бинокль хороший, трофейный, «Цейс» 8х30.

– У меня на карте его нет, – через пару минут наблюдения сказал комбат. – Надо нанести.

– Накрыть бы НП из миномётов.

– У пехоты только ротные, 50-мм, они слабоваты. А вот координаты передам в штаб дивизии, пусть гаубицами накроют. Завтра с утра в траншею – и наблюдать. Получишь у меня карту, будешь карандашом делать отметки.

– Так точно, товарищ комбат!

Уже смеркаться начало. Какое наблюдение, когда немецких позиций уже не видно? По возвращении на батарею Илья поел впервые за день. Спал в землянке, вместе с батарейцами. А утром – переполох. Пехотинцы обнаружили убитого часового, и исчез старший лейтенант, командир роты. Тут же на позициях появились особист, политрук. Начали расспрашивать бойцов, как вёл себя командир роты. Уклон вопросов неправильный, складывалось впечатление, что старлей сам перешёл на сторону немцев, перед тем убив часового. Конечно, исключить переход нельзя, но Илья сильно сомневался. Он видел утром убитого часового, мельком, но одного взгляда хватило понять, что убивал профессионал. Один удар ножом сверху в подключичную ямку. Не каждый военный и даже разведчик имеет такой отработанный удар, навык нужен. Однако о догадках своих Илья помалкивал. Видимо, в отместку за печальные события к вечеру в расположении пехоты появилась группа разведчиков – в маскировочных костюмах, с ножами на поясах. Если автоматы у пехотинцев изредка

встречались, то маскировочных костюмов и ножей не было: по штату не положено. Присмотрелся Илья к группе – все молодые, только старшему около тридцати, похоже, он из кадровых. Да есть ли у парней опыт?

Илье ночью выпало часовым стоять на батарее, видел он, как разведгруппа покинула пехотную траншею и на нейтралку ушла. А через час у немецких позиций стрельба. Наши ППШ, потом одиночный выстрел и басовито немецкий МГ, ручной пулемёт вермахта. Влипла группа, ошибку сделала. Обычно старший разведгруппы предварительно выяснял у командира роты, где у немцев пулемётные гнёзда, есть ли минное поле да всякие особенности вроде спирали Бруно, о ракетчиках да детали местности. Например, ручей, протекающий через позиции противника, повышающий шанс выполнить задание и вернуться. По нему пройти – проползти проще. Вымокнешь и замёрзнешь, не без этого, но больше шансов выжить. Командир роты в плену, стало быть, старшему разведгруппы говорить было не с кем, потому ошибку совершили.

Наши пехотинцы огня не открывали: если разведгруппа выбирается к своим, можно задеть.

Ближе к рассвету – окрик часового из траншеи пехоты. Ночью тихо, голоса хорошо слышны. Оказалось, со всей группы из пяти человек назад вернулся старший, да и тот приполз из последних сил: ранен в бедро был, на нейтралке, жгут себе наложил.

Его сразу к военврачу пронесли на шинели, а вскоре и командир разведвзвода пехотного полка появился. Группа-то провалилась, задание не выполнила. Илье хотелось с командиром разведки поговорить, даже напроситься в разведвзвод. Однако ущербность свою пока чувствовал. В месте перелома при ходьбе ещё ощущал боль, хотя длительных переходов не было. Лучше себя чувствовал, чем при выписке из госпиталя, но в норму свою не вошёл. Больной человек или раненый – обуза в поиске для разведгруппы, темп сбивает. А ходить или ползти приходится много: иной раз группа по тридцать километров за ночь проходит, да не по ровной дороге, а по пересечённой местности и в темноте. Илья не чувствовал себя готовым к таким нагрузкам, реально оценивал физическое состояние.

Хотя обидно было за неудачу парней. Погибли не за понюшку табака, и Илья считал, что виноват командир разведвзвода. Каждый поиск требует тщательной предварительной подготовки, чтобы исключить неожиданности. Конечно,

случайности быть могут, всего не предусмотреть, но как соваться через нейтралку, не зная деталей обороны врага?

Не далее как вчера Илья интересовался у комбата, кто противостоит им на этом участке фронта? Так комбат ответить не мог, не знал даже, что за дивизия. Разозлился комбат за вопрос:

- Старшина, оно тебе надо? Кому надо - знают!

А как можно грамотно воевать, не зная противника? Где огневые точки, склады, какое и где вооружение? А главное - что хотят предпринять? Для этого пленные нужны. Немцы в первые два года войны подготовлены лучше были. У них и разведывательно-диверсионный батальон «Бранденбург-800», и «Функабвер», специальное подразделение для прослушки радиоэфира.

У каждого радиста свой почерк при передаче на ключе, немецкие контрразведчики по почерку определяли, куда переместилась та или иная русская воинская часть. Полевая разведка вермахта тоже была развита лучше: зачастую туда набирали егерей из австрийцев. РККА, по примеру вермахта, стала вводить подобные подразделения, доказавшие свою эффективность уже к сорок третьему году.

Брянский фронт, в составе которого был 1001-й отдельный противотанковый дивизион, где служил Илья, летом и осенью 1942 года прикрывал тульское и воронежское направления. Основной удар немцев в начале лета пришёлся на левый, южный, фланг фронта.

Просчитался Генштаб Красной армии с направлением главного удара немцев, и для исправления ошибки 9 июля 1942 года согласно директиве Ставки Верховного главнокомандования левое крыло Брянского фронта было преобразовано в Воронежский фронт. Причём реорганизация запоздала: немцы уже рвались всеми силами к сальским степям, где был простор для действий танков. Танки были главной ударной силой вермахта, и немцы имели в них численное преимущество, которое лучше всего можно было реализовать на большом театре военных действий.

В один из вечеров на позицию пехоты снова прошла разведгруппа, на сей раз четверо. Похоже, потеря предыдущей группы, а может и других, чему-то

командиров научила. Маскировочные костюмы, немецкие сапоги и немецкие же автоматы. Уже лучше, да если ещё и навыки есть, то группа имеет шанс вернуться, да с «языком». Илья специально с бойцом караулом поменялся, чтобы увидеть возвращение группы. А та ушла – и с концами. То ли назад возвращались на участке другого полка, что бывало часто, то ли была обнаружена немцами и уничтожена.

Немцы начали летнюю кампанию. С позиций дивизиона хорошо было видно, как вдалеке, южнее их расположения, большими группами пролетают бомбардировщики под прикрытием истребителей. Затем едва слышный грохот разрывов авиабомб, чёрные дымы, поднимающиеся в небо.

После полудня в атаку ринулись танки. С позиций дивизиона их видно не было, командиру дивизии пришла телефонограмма, он оповестил командиров подразделений. Когда известие дошло до комбата, он приказал занять места у пушек и подготовиться к отражению атаки. В напряжении пробыли до вечера, но атака не состоялась. А вечером – сводка Совинформбюро:

«На воронежском направлении продолжались упорные бои с противником. Рота старшего лейтенанта Тряпичникова...»

Кому-то повезло, как их дивизиону, сегодня остались в живых. А кто-то погиб, задержав продвижение немцев, дав возможность подтянуть резервы. С резервами туго, эшелонирование в один ряд, резервы под Москвой собраны, их ещё перебросить надо, что в условиях военного времени непросто. У противника и авиаразведка задействована, и агентурная разведка не дремлет. Немцы пытаются наши части на марше бомбить. Потому все передвижения в основном по ночам. Бомбардировщики приборами для ночных полётов не оборудованы. Москву в сорок первом по ночам бомбили, но то другое дело – там бомбометание по площадям. Куда бомбу ни сбрось, попадёт или в жилой дом, или в производственное здание. А попробуй бомбами накрыть поезд ночью.

Немцы прорвали оборону, танковый клин двинулся вперёд, в прорыв вливались пехотные и артиллерийские части, участок прорыва расширяли. Наши отступали, ожесточённо сопротивляясь, немцы напирали.

После поражения Гитлера под Москвой наши генералы надеялись, что Германия не сможет собрать людские и танковые ресурсы. Сейчас же немцы

демонстрировали, что сильны. И за летнюю кампанию 42-го года они оккупировали территорий больше, чем за 1941 год. Но у Красной армии появился опыт, командиры на уровне рот – батальонов и полков действовали решительно, смело, не ждали приказов сверху. Да и на самом верху от руководства были отодвинуты герои Гражданской войны – Будённый, Ворошилов и им подобные. Бывшие кавалеристы, не имевшие военного образования, не способные анализировать события, провалили все поручения, что давал им Сталин, и были отодвинуты в сторону. Ход событий сам показал, кто на что способен. Вперёд выдвинулись такие, как К. К. Рокоссовский, ставший командующим Брянским фронтом с 13 июля 1942 года, Ватутин, Толбухин и многие другие полководцы.

Немцы расширяли и углубляли прорыв, Красной армии пришлось растягивать и без того «жидкий» фронт на флангах, иначе – быть катастрофе.

Немцы пустили в атаку танки на позиции участка, где служил Илья. Он находился на передовой в стрелковой ячейке, вёл артиллерийскую разведку, как приказывал комбат. По разведанным целям ударила четырьмя залпами гаубичная батарея, довольно точно накрыла. Ещё бы пару-тройку залпов, а снарядов нет. Гаубицы стреляли из глубины нашей обороны, над передовой только шуршали снаряды.

Танки отбивали «сорокапятки», подпустили поближе и начали пальбу. Видимо, наводчики опытные. Сначала первыми выстрелами разбили гусеницы, а когда танки потеряли ход, расстреляли их. Немцы поддержали атаку танков гаубичным огнём: самое распространённое орудие в войнах – 105-мм гаубица. Снаряды стали ложиться на позициях пехоты, по обнаружившим себя противотанковым пушкам. Боеприпасов гитлеровцы не жалели, на передовой бушевал вал разрывов. Илья пригнулся в стрелковой ячейке, чтобы осколком не зацепило. Переждал, пока перестанут грохотать разрывы, поднял голову, а танк рядом, в полусотне метров. Один из Т-III вырвался вперёд, вот-вот в траншею ворвётся. Наша «сорокапятка» выстрелила, танк замер, но ни дыма, ни огня видно не было. Расчёт ПТО выстрелил ещё раз. Подбитый танк легко восстанавливали в полевых танкоремонтных мастерских, а сгоревший годился только на переплавку. На этот раз танк вспыхнул: буквально несколько секунд – и сильный взрыв. Вероятно, взорвался боезапас. Танк разорвало, разворотило изнутри. Илью и пехотинцев поблизости оглушило, в ушах звон. А танки наползают, пушки наши уже молчат. Ещё с тяжёлого сорок первого осталась у бойцов танкобоязнь. Чем остановить железную машину, если батарея противотанковая уничтожена? Побежали бойцы, а танки на траншеях крутятся,

поливают пулемётным огнём. Ни гранат, ни бутылок с зажигательной смесью нет. Бежали до какой-то речушки, потом танки вправо повернули, к востоку. У Ильи на груди бинокль болтается, сбоку командирская сумка с картой. Один из бойцов, приняв его за командира, спросил:

- Что дальше делать будем?

- Позиции занимать! Через реку танки не пойдут, узкая и мелкая она, а берег крутой. Потому наступающую пехоту отсечь – наша задача. У кого шанцевый инструмент есть – ройте окопы, стрелковые ячейки.

Бойцов прибежало из траншеи около полусотни, почти два взвода. На всех с десятков малых сапёрных лопаток. Но знала уже пехота твёрдо: зарылся в землю – остался жив. Потому окопы неполного профиля рыли усердно. Илья мимо бойцов прошёлся. Командиров, как и политруков – нет, самый старший по званию – он, а ещё два сержанта. Одного из бойцов Илья в тыл послал – известить командование о прорыве. На клочке бумаги карандашом нацарапал донесение, вручил раненому в руку.

- Командира полка или дивизии найди, объясни на словах, донесение вручи, пусть знает обстановку. Подмога нужна – людьми, пушками, иначе долго не продержимся.

Боец ушёл. Боеприпасов – кот наплакал. Если немцы пехоту против них бросят, удастся продержаться четверть часа, от силы полчаса. Два автомата и винтовки, даже ручного пулемёта нет. Вода рядом, в реке, а пожевать нечего. А кушать хотелось всем. До вечера немцев видно не было. Гроыхала их техника, пролетали самолёты, да всё мимо. Когда вечереть стало, Илья решил к оставленным позициям сходить. Наверняка оружие осталось, боеприпасы. Из оружия были интересны пулемёты, без них не удержаться. Выкрикнул желающих, объявилось двое молодых.

- Значит, так, бойцы. Идём тихо, шарим по стрелковым ячейкам. Наша задача – пулемёт и боеприпасы. Харчи обнаружим – тоже брать. Задача ясна? За мной!

Снова пришлось реку переходить, вода до середины бедра доставала, а неприятно – холодила. Обувка намокла. У Ильи сапоги, у бойцов ботинки с обмотками. Показалось, что далеко пришлось идти. В траншее убитых полно. Всё

же ручной пулемёт ДП обнаружили, к нему два диска, а в землянке – пункт боепитания. Взяли ящик винтовочных патронов – они и к пулемёту подходят – и несколько ручных гранат по карманам рассовали. А вот провизии не нашли, а есть хотелось сильно всем. Вернулись к бойцам, один пулемётчик нашёлся, ему и ДП вручили.

Бойцам из ящика патроны пригоршнями раздавали. Плохо, что не в обоймах были, в винтовки по одному патрону заряжать в магазин придётся.

Нашёл ли гонец штаб какого-либо подразделения – неизвестно, а только за ночь помощь не пришла. Зато окопы вырыли все, лопатки из рук в руки переходили по очереди. Утром над отрядом пролетела эскадрилья пикировщиков Ю-87. Окопы-то вырыли, а замаскировать их никто не успел, да и чем? На берегу даже кустов нет, чтобы ветки срезать. Но «Юнкерсы» побрезговали столь малой целью, пролетели дальше. Зато около девяти утра показалось несколько полугусеничных бронетранспортёров. Подъехали поближе, обстреляли окопы из пулемётов. Затем из них высадились солдаты, неровной шеренгой побежали к реке. И встретили ожесточённый огонь. Потеряв десятка два, отошли. Бронетранспортёры постреляли, посадили солдат и ушли. Наверняка прощупывали оборону. Здесь сопротивление оказали, попробуют сунуться в другом месте, третьем.

Илья, как старший по званию, согласно уставу, принял командование на себя. Сразу отослал бойца в тыл. Необходимо было поставить командование в известность. Ни радики, ни телефонной связи не было.

– А ещё скажи, пусть харчей подкинут, двое суток хлебной крошки никто не ел. И обязательно боеприпасов.

Бойцы собрались из разных полков. Несколько человек из 235-го отдельного батальона, с десятков из 511-го сапёрного батальона, ещё отделение из 47-го отдельного аэросанного батальона, хотя сейчас не зима. Какие, к чёрту, сани? Пусть и с мотором!

Был даже один кавалерист из 83-й кавалерийской дивизии. Всё чин-чином: винтовка, шашка на боку и папаха. Нелепо и смешно, против танков – кавалерия. И ведь было же! На танки в контратаки кавалерия ходила. Трупов – конских и людских – горы были.

Боец, посланный гонцом, штаб какого-то стрелкового полка нашёл, ибо вернулся, а за ним две подводы. На одной – армейские термосы с кашей, на другой – патроны. Ну хоть бы пулемёт подкинули. На кашу накинулись. Перловка, прозываемая в армии шрапнелью, зато с мясом, пошла на ура. С подводой и младший политрук приехал, привёз дивизионную многотиражку. Газету быстро прочли и пустили на самокрутки. Политрук коротенько информацию дал о положении на фронтах, воодушевил на ратные подвиги и уехал на опустевших подводах.

Под началом Ильи – половина роты, если судить по численности. Командовать не привыкать, опыт был. Другое дело – в Российской армии, при чётко функционирующем тыловом обеспечении формой, оружием, боеприпасами, едой, связью, техникой и бензином. А где он, этот тыл, сейчас? Сегодня кашу привезли, а завтра? Да и не только каша и патроны нужны, взять ту же махорку. Без неё, любимой моршанской, многие бойцы страдали.

Немцы больше не подступали, вечером Илья вздремнул часа четыре и решил снова на брошенные позиции сходить. Взял с собой двух солдат. На этот раз с пустыми «сидорами» шли, как вещмешки называли. Добрались до траншей, вправо повернули. От трупов запах стоит ужасный, тошнотворный. Собрать бы погибших и похоронить, как положено. Но погибших сотни. Целое подразделение нужно, и с техникой для огромной братской могилы. Немецких трупов не было, похоронные команды у гитлеровцев действовали чётко. Да и трупов было мало, в основном экипажи подбитых танков. Глаза хоть и привыкли к темноте, а всё равно без света плохо. Заходишь в брошенную землянку, а там темень полная. Фонариков при себе не было, но даже зажигалку зажигать опасно – её огонёк за полкилометра виден. Сколько фронтовиков из-за неё погибло! Один прикурил самокрутку, второй, а третьего снайпер убил или пулемётчик очередью. Так и рождались на фронте маленькие хитрости, позволявшие выжить. Двое прикурили, третьему нельзя, отойди в сторону или паузу сделай.

Как ни странно, отечественное оружие ещё валялось в траншеях и окопах. Обычно после атаки на поле боя выходили похоронные команды, следом за ними – трофейщики. Эти собирали оружие: своей армии и противника. За ними – эвакуаторщики, буксировали с поля боя подбитую технику, годную для восстановления. Обе армии не брезговали пользоваться трофейным оружием. Немцы использовали наши Т-34, они были даже в танковых бригадах СС, которые обычно получали лучшее вооружение. А ещё переделывали наши пушки

Ф-22: рассверливали камору под свой снаряд, делали более низким броневой щит. Получалось отличное противотанковое орудие, прозванное нашими танкистами «гадюкой». Красная армия не отставала, использовали немецкие танки и самоходные орудия, которых остро не хватало в 1941–1942 годах. До начала войны самоходных орудий в РККА не было, и, взяв трофеи, наши военспецы не знали, как писать. Приловчились – обозначали как танк без башни. Причём эти сводки о трофеях шли наверх, в Ставку.

Илья с бойцами несколько землянок и блиндажей осмотрели. Нашли сотни полторы патронов, пачку ржаных сухарей – уже удача! Выбрались из блиндажа, а на бывшей нейтральной полосе какое-то движение, потом мотор заработал, слабо засветилась синяя фара. Так, немецкие эвакуаторщики хотят вытащить подбитый Т-III. Пригнали тягач, такой же Т-III, только без башни, на её месте небольшой кран – «гусак» стоит, им обычно двигатели с бронетехники снимают. На тягаче из вооружения только курсовой пулемёт. Эвакуаторщики, что наши, что немцы, не вояки, механики и техники, их дело – ремонт. Илья сразу и предложил:

– Парни, на бывшей нейтралке немцы пытаются свой подбитый танк за тягач зацепить и на полевой танкоремонтный завод отправить. Предлагаю немцев пострелять, а одного-двух хорошо бы в плен взять.

– Думаешь, медаль дадут?

– А ты на фронте разве ради медали? Пленного допросят. Если толковый, то скажет, где какая дивизия наступает, какие задачи поставлены.

– Старшина, тебе бы в разведроту служить, а не нами командовать. Ладно, считай, уговорил. Что делать-то?

– Подбираемся поближе, я постараюсь кого-нибудь захватить. Если немцы меня обнаружат и стрелять начнут, вы отпор дайте. Мне пленного надо увести.

– Ладно!

– Не ладно, а так точно!

Илья ещё отойти не успел, как услышал, один боец другому сказал:

– Старшина наш служака, положит всех не за понюшку табаку. Драпать надо!

Вскипел Илья. Тяжких боёв, как в сорок первом, в котлах, эти бойцы не знали, а трусили. Ну, вернётся он в отряд, сделает выволочку.

Немцы свет в фарах не зажигали, но фонариками пользовались и вели себя спокойно. Конечно, считали – уже в своём тылу, ведь передовые части километров на двадцать-тридцать ушли, выстрелов из пушек не слышно. Немцы переговаривались, жаль, Илья языка не знал. Трос был прицеплен к тягачу и подбитому танку. Двое пошли к тягачу, один полез в люк подбитого танка. Самое время действовать. Илья буквально взлетел по каткам на броню, сорвал карабин с плеча, сунул в лицо немцу:

– Руки вверх! Это... хенде хох, фриц! Вылазь! Как это будет? Чёрт! Ауфштейн! Нет, это «встать».

Но немец понял. Выбрался из люка на броню. Илья сразу кобуру лапнул, вытащил «парабеллум», в свой карман определил.

– Век! Иди, фашист!

Немец с брони на землю спрыгнул, оглядываясь на Илью, зашагал. Похоже, не мог поверить, что перед ним русский и он взят в плен. Миновали место, где бойцы ждать должны, а их нет. И «сидора» нет, где патроны и пачка армейских сухарей в вощёной бумаге, упаковка стандартная – килограмм. Всё же ушли, бросили. М-да, надеяться нельзя, подведут, причём в самый тяжёлый момент. Таких сразу бы в трибунал. Илья, повоевав в сорок первом, изведав всю горечь отступления, превосходство немцев в технике и тактике, считал – многое от крепости духа зависит. Ведь устояли же в сорок первом, Москву не сдали, Ленинград. И сейчас устоим, это он точно знал. Но вот такие гниды, как эти два бойца, только разлагают дисциплину. Хуже того, в бою при атаке противника могут побежать, за ними другие паникёры – и вот уже оставлен участок обороны, и немцы вклинились. В большинстве случаев именно по такому сценарию события разворачивались.

Немца Илья до отряда довёл – допросить надо, а языком никто не владеет. Пока немец не допрошен, представляет ценность. А где сейчас штабы? Полка, дивизии? Всё же Илья отрядил двух бойцов конвоирами:

– Найдите штаб полка, бригады, дивизии. Сдайте пленного начальнику штаба или разведроты, да чтобы расписку написал.

Илья всех бойцов отряда обошёл, искал тех двоих, что самовольно покинули его. Да нет их, дезертировали. Список бойцов отряда у него есть, напротив фамилий дезертиров отметки поставил. Как линия фронта стабилизируется, обязательно в особый отдел докладную записку подаст. Не стукач он и к особому отделу с пиететом и любовью не относился, но считал, что дезертиры, если они задержаны будут, должны понести суровое наказание по всем законам военного времени. Если ты воин, принял присягу, будь верен ей до конца. Понятно, жить хочется всем, но покупать жизнь ценой предательства своих товарищей и страны – подло!

Отправил конвоировать пленного двоих бойцов, а назад они не вернулись. То ли остались в каком-то полку, то ли нарвались на немцев и были убиты. Уж лучше бы Илья пленного не брал. Получилось по Черномырдину – хотели как лучше, а получилось как всегда. Отряд уменьшился на четырёх бойцов, а потери небоевые – обидно.

Ситуация разрешилась неожиданно. К полудню на позиции прибыл свежий стрелковый полк, остатки разбитых частей вывели в тыл, в запасной полк. За два дня сформировали маршевую команду. А потом погрузили на грузовики. Все гадали, куда повезут. Оказалось, под Ливны. Немцы подтянули сюда армейскую группировку «Вейхс» из 16, 17 и 24-го танковых корпусов и 40-й пехотной армии. Направление удара немцев – на Воронеж, наше же командование считало, что немцы собрали кулак ударить с юга на Москву, и прикрывали именно этот участок фронта, перебросив 1-ю и 5-ю танковые армии. Казалось бы, танковая армия, масса бронетехники, силища. А на деле почти все танки устаревшие – БТ-5, -7, с тонкой бронёй и слабыми пушками. Наша танковая промышленность перебралась с европейской части России и Украины на Урал и в Сибирь, только начинали производство. Мало перевезти танковый завод на новое место, хотя и это в условиях военного времени очень сложно – эвакуируются тысячи предприятий, не хватает вагонов и паровозов, – так надо организовать производство. А это не только здания. Подвести мощные ЛЭП, наладить работу смежников. Танковый завод – фактически сборочное производство. Моторы

приходят с одного завода, оптика для приборов и триплексов – с другого, пушки – с артиллерийских заводов, пулемёты – с оружейных, резина для катков – с десятых, а броневые листы – с двадцатых. Поставщиков не один десяток, и если вовремя не поставлена номенклатура, танк не выйдет из цеха, сорвётся план, фронт недополучит технику. И такое положение не только с танковыми, но и с авиазаводами и многими другими. Исторически сложилось, что почти всё производство было сосредоточено в нескольких областных центрах, ныне занятых врагом, – тот же Харьковский танковый. Просчитались правители – полагали воевать на чужой земле и едва не потеряли промышленную базу.

Под Ливнами маршевую команду распределяли по воинским частям, уже потрёпанным боями. Первым покупателем был танкист. Отобрал бойцов, посадил на грузовики и отбыл. Следующим был представитель дивизионной разведки:

– Разведчики есть? Шаг вперёд.

А шагнули двое.

– Есть желающие служить в разведке?

Ещё двое вышли из строя. Потери в разведке большие. Командирам «языки» нужны, а как их взять, если опытных разведчиков в сорок первом выбило? А новички пока опыта наберутся, сами то в госпиталь, то комиссованы по ранению, а то и сгнули без вести в немецком тылу. У разведчиков на фронте могилы редко бывают.

Илья не рвался. Чувствовал – рано ему, переломы хоть и срослись, а дальние марш-броски не сдюжит он, болит нога. Ждал, пока подходящую команду назовут. Водителем, эвакуаторщиком, да хоть в похоронную команду. На фронте, как и в армии, все воинские специальности нужны и востребованы. И повар нужен, и санитар, и могильщик, и слесарь по ремонту техники. Без этих и многих других нестроевых специалистов армия долго воевать не сможет.

Старший лейтенант забрал добровольцев, мимо строя с ними шёл и вдруг напротив Ильи остановился:

– Старшина! Ваш ВУС?

ВУС – это военно-учётная специальность.

– Шофёр, годен к строевой после госпиталя, – отчеканил Илья.

– Ко мне в роту старшиной пойдёшь?

Старшина роты – это хозяйственник. Каптёрка с обмундированием, снабжение со складов всем необходимым. Разведрота – фактически отдельное подразделение, подчиняется ПНШ – помощнику начальника штаба по разведке – да ещё командиру дивизии. В полку – разведывательный взвод. Старшина роты фактически не строевик, в рейды и поиски в тыл врага не ходит. Илья сразу согласие дал. Оклемается со временем, перебираться в другое подразделение не придётся. Он не собирался отсиживаться в шоферах всё время. Но и в рейд идти пока нельзя, обузой быть не хотел.

Старший лейтенант, покупатель, оказался командиром разведроты. Фактически роту пришлось воссоздавать заново. Во время марша в составе автоколонны попали под авианалёт. Из всей роты уцелел один взвод, ставший костяком. Для Ильи организационно-хозяйственная работа не в тягость, опыт есть, с первого же дня за дело взялся. Во всех службах дивизии побывал. Благо в роте полуторка была. По штату не положена, а по факту была. Разведчики вообще особая армейская каста. Кому в армии дозволяется ходить с ножом? Разведке! А спать днём? Разведке! Потому как ночью в поиске были, и ни один строевой командир придраться не будет. И служили в разведке полковой или дивизионной не маменькины сынки, а оторвы, иной раз приклатнённые. На передовой жизнью рискуют все – повара, пехотинцы, ездовые артиллерийских батарей, санитарки и радисты, но они знают – находятся среди своих. В случае ранения помощь окажут, отправят в медсанбат. А разведгруппа в тыл вражеский уходит, и помощи ждать неоткуда. Любая ошибка или неосторожность одного могла привести к гибели всей группы. Да и погибнуть можно по-разному. Убьют пехотинца в траншее – командир взвода или роты «похоронку» родным шлёт, жена и дети льготами пользуются как семья погибшего защитника Родины. А разведгруппа в поиске погибнет – и родным казённая, бездушная бумага придёт – «ваш сын пропал без вести...». И ни пенсии вдове и детям на потерю кормильца, ни уважения, а только шепоток за спиной. Неизвестна судьба разведчика. То ли геройской смертью погиб солдат, то ли на mine подорвался, то ли бросил оружие, руки поднял, в плен сдался. Все варианты возможны, и на деле были.

И не каждый даже смелый человек решался идти в разведку именно по этим соображениям. «Пропал без вести» в те времена сродни клейму «предатель», но недоказанному. Родне уже не на всех должностях работать можно или детям учиться в техникумах или вузах. Много было в разведке детдомовских. К лишениям привычные и родни нет, не пострадает.

Илья почти при каждом выходе группы в поиск присутствовал. Не обязан был, но провожал. Однажды не выдержал, командиру взвода замечание сделал, хоть тот и по званию старше, и по должности выше.

– Товарищ лейтенант! Ну не дело бойцов посылать в германский тыл с нашими автоматами.

– Ты что, не веришь в силу нашего оружия? – сразу вскинулся командир взвода. – К особисту захотелось, старшина?

Командир взвода назначен был недавно, ранее пехотным взводом командовал, в разведке своя специфика есть, командир взвода о замечании старшины командиру роты доложил. Непорядок, младший по званию старшему осмеливается указывать. Витковский, командир роты, к себе старшину вызвал:

– Объяснитесь, старшина.

Илья пояснил, что, случись перестрелка, на звук выстрелов ППШ сбегутся все фашисты, уж очень характерный «голос». А на выстрелы из МП 38/40 солдаты вермахта внимания не обратят, есть шанс уйти, оторваться от преследования.

– Сам додумался? – задумался старлей.

– Никак нет. В разведке до ранения послужить пришлось. Командиром кадровый был, он всем премудростям обучил.

– Да? Не знал. А ещё что?

Илья и про сапоги немецкие сказал. У отечественных кирзачей и у немецких кожаных сапог подметки разные следы оставляют. У наших подковки и гвоздики с круглыми шляпками, на немецких подковок нет и гвоздики квадратные шляпки

имеют. На влажноватой земле следы хорошо видны и человеку сведущему многое скажут. Наши войска в тылу охраняли войска по охране тыла, сформированные из бывших пограничников, а ещё НКВД, а с 1943 года ещё и органы СМЕРШ. У немцев аналогом СМЕРШа была ГФП, гехаймфельдполиция. Кадры опытные, натасканные, зачастую использующие собак. И относиться к ним следовало серьёзно, ГФП – противник сильный, достойный.

Когда короткое повествование закончил, Витковский спросил:

– А кого ты фрицами назвал?

– Да германцев же. Я на Западном фронте раньше воевал, их так называли.

– В первый раз слышу.

Это да, на разных фронтах мог быть разный лексикон. Позже Илья сталкивался с этим не раз. Он попросил старшего лейтенанта озаботиться приобретением компасов и топографических карт. В разведке сложно, а то и невозможно без часов, карт и компаса. Если часами наручными или карманными разведчики сами обзавелись – из трофеев, то с остальным плохо. Наши, отечественные, карты хранились на складах недалеко от границы и сгорели при бомбёжках или были захвачены немцами. И оказались в дефиците, желанным приобретением любого командира – от взводного до командира батареи или полка. Такая же ситуация с компасами. Если часы наручные можно было снять с пленного или убитого немца, то компасы у немецкой пехоты не водились, только у офицеров. Поскольку немцы к войне готовились заранее, качество их топографических карт было на порядок выше нашей продукции. Уже перед началом войны немцы позволяли себе нагло совершать полёты над нашей территорией, вести аэрофотосъёмку, корректировать карты. Кроме того, на западных землях, перешедших к СССР по договору Молотова – Риббентропа, далеко не все были рады приходу коммунистов, служили агентурой для немецкой разведки.

На фронте учились ведению боевых действий быстро. Причём неудачи, если их анализировать, опыта приносили больше. Другое дело, что не все были способны делать выводы. В сорок первом-втором годах людей жалеть не было принято. Ставилась цель – и изволь выполнить её любой ценой. Даже считалось, что, если потери были невелики, стало быть, заслуги командира в том нет, просто противник на данном участке оказался слаб. А только одолеть врага при

минимальных потерях – особое искусство, данное не каждому.

Илья, окончивший военное училище, волей-неволей наблюдал, как планировали и проводили боевые операции командиры Красной армии и современные, Российской армии. И сравнение было не в пользу Красной армии.

Уже к сорок третьему году научились сберегать личный состав, ибо это ресурс медленно возобновляемый. Для любой войны, особенно затяжной, вопрос ресурсов самый важный. Победит тот, у кого их больше – людских, материальных, энергетических, финансовых. Весь план вторжения Германии в СССР был рассчитан на войну молниеносную, не зря план «Барбаросса» был планом блицкрига, войны молниеносной. И стоило войне затянуться, как Германия была обречена на поражение. Продержалась несколько лет только за счёт трофеев захваченных стран, их экономики.

Глава 3

«Снова в разведке»

Илья уже месяц прослужил в новом подразделении и на новой должности, освоился. А потом в роте подряд две неприятности. Одна группа из четырёх человек ушла в поиск и не вернулась, через двое суток другую группу постигла та же участь. И ладно бы новички, можно было списать на отсутствие опыта, а то ведь опытные бойцы, группы сработанные. Сработанность, слаженность в разведке – великое дело, когда понимаешь сослуживца с полувзгляда, с полуслова и твёрдо знаешь – не подведёт тебя товарищ. Обе неудачи случились на одном участке фронта, и, как выяснилось, не случайно. Предательства быть не могло, командир группы узнавал конкретную задачу за несколько часов до выхода. Оставалось одно – на немецкой стороне появился сильный и опытный контрразведчик. В ГФП или гестапо, но был. Илья узнал, что готовится новая группа. Командованию надо было знать обстановку у противника и требовался «язык». И потерю двух групп командование не считало серьёзной – всего-то восемь человек! Да в любой атаке даже на небольшой населённый пункт счёт идёт на сотни.

Что до Ильи, он считал, что переходить линию фронта надо на другом участке, так больше шансов вернуться, чем с маниакальным упорством повторять попытки. Врага переигрывает более умный и хитрый, чем упрямый. Новую группу, ввиду важности задания, возглавлял командир взвода, с ним трое разведчиков. Один минус был: несрабатанность. Она вырабатывается не одним рейдом или поиском во вражеский тыл. Но начальству виднее. Группу повёл к передовой траншее командир роты. Разведчики вышли на нейтралку около полуночи. Немцы как раз в это время меняют часовых. Через час группа должна подобраться к передовой траншее немцев, если всё пойдёт благополучно. На нейтральной полосе, которая в данном месте метров семьсот шириной, могли быть «сюрпризы» в виде минных полей, спирали Бруно, колючих заграждений. А ещё учитывать надо, что, кроме дежурных пулемётчиков и часовых, есть ещё ракетчики, периодически пускающие осветительные ракеты из сигнальных пистолетов. Выстрел, ракета взмывает вверх, загорается ярко, раскрывается маленький шёлковый парашютик, и ракета медленно, около сорока – сорока пяти секунд, опускается, озаряя круг метров сто диаметром мертвенно-белым светом. И любой объект, особенно если он передвигается, отбрасывает тень, хорошо виден. Тогда пулемётчик начинает огонь и патронов не жалеет. Если группу засекут на нейтралке, шансов вернуться в своё расположение немного. К пулемётчикам присоединятся ротные 50-мм миномёты, накроют минами. Потому, прежде чем выйти на нейтралку, её внимательно изучают в бинокль. Где-то ложбина есть, в другом месте воронка от крупного снаряда или авиабомбы или сгоревший танк. Всё сгодится как укрытие при обстреле. Пулемётный или миномётный обстрел не будет длиться вечно: десять-пятнадцать минут – и огонь стихает. И надо набраться терпения и лежать без движения, потому что и пулемётчики, и часовые будут наблюдать за подозрительным местом. У нашей пехоты есть только часовые. Ракетчиков нет, поскольку нет ракет на парашютиках, и существуют они только в авиации для подсветки крупных целей. И с пулемётами, как и боеприпасами, в Красной армии в 1941–1942 годах было худо. Но и ракетчики, и пулемётчики своеобразными индикаторами были. Если перестали ракеты пускать, толковый командир пехотной роты или взвода насторожится сразу. Темнота и тишина у немцев – значит, к нам разведгруппа немецкая пробирается. Тут уж часовым прислушиваться надо, а то прирежут или «языком» возьмут.

До утра группа лейтенанта Колодяжного не вернулась. Витковский не особо беспокоился. Часто бывало, что группе не хватало времени выбраться назад. Разведчики чётко знали, во сколько рассветёт, до минуты. И если рассвет мог застать на нейтралке, предпочитали переждать в немецком тылу до следующей ночи, чтобы наверняка уйти. Или «языка» взять не смогли, а без него

возвращаться смысла нет – задание сорвано, и другой группе вновь предстоит идти. Самое сложное – перейти линию фронта. У немцев траншеи в два-три ряда, всё по военной науке. Да ещё и оборона эшелонирована. За одним полком другой стоит, тогда как у нас и на один эшелон не всегда войск хватало. Только после лета сорок третьего положение выправилось.

Но группа не вернулась и второй ночью, и третьей. Стало ясно: группа погибла, уже третья подряд. За неделю половины взвода нет, а задание не выполнено, командование недовольно – это мягко сказано. Авиаразведка доносила о передвижении войск в немецком тылу. А куда передвигаются, какие части, конечная цель?

Илья сам подошёл к Витковскому:

– Товарищ командир! Разрешите мне в поиск пойти. Только просьба будет: группу сам подберу.

– Ты же не строевой.

– А что это меняет? Вон три группы молодых и здоровых сгнули.

– Валяй! Комдив три дня дал, чтобы «языка» взяли, да не рядового из траншеи, а непременно офицера. Не справимся – пообещал всех в пехоту отправить.

– Испугал ежа голой ж...!

– Старшина! Не зарывайтесь!

– Мне бы понаблюдать за передовой.

– Дозволяю.

Илья сразу на передовую. Для начала с командиром пехотной роты поговорил. Кто лучше него знает, где расположены пулемётные гнёзда, где сподручнее перейти? Старлей и на карте показал, и на натуре, в траншее. Было одно место, очень удобное для перехода – ложбина, поросшая камышом. Но тем и опасна, потому как немцы далеко не дураки и ложбину эту наверняка под наблюдением

держали. Противопехотные мины там не поставишь, почва болотистая, взрыватель поржавеет. А вот колючую проволоку поставить да пулемёт на сухом месте – это запросто. И действовать надо от противного, переходить там, где не ждуют, где нормальный человек не пойдёт. Немцы – педанты, в 1941–1942 годах их ротами, батальонами, полками командовали кадровые офицеры, окончившие командные училища. После массовых потерь под Сталинградом, на Курской дуге офицеров стали учить в полковых школах из фельдфебелей, но подняться по служебной лестнице выше командира батальона они не могли, как и получить звание выше гауптмана. Кадровые же офицеры знания имели твёрдые, знали, где можно переходить передовую, а где это противоречит всем канонам.

С местом Илья определился, к утру набрал группу из трёх человек. Из разных отделений и взводов, а принцип был один – несколько удачных поисков. Удача в разведке – это не случайность, не тупое везение и не благоприятное стояние звёзд. Это расчёт, осторожность, наглость, знания и много чего ещё. Ещё граф Суворов говаривал: «Раз везение, два везение. Помилуй Бог, а где же умение?»

Сам в каптёрке парней экипировал. Сапоги немецкие по размеру, автоматы немецкие, а гранаты наши – Ф-1. Потому как компактные и мощные, немецкие скверные. На наших лимонках выдернул чеку и бросай, через три с половиной секунды взрыв, причём мощный. У немецких «колотушек», прозванных так за деревянную ручку, надо было сначала колпачок скрутить с торца ручки, дёрнуть резко верёвку запала, поскольку запал тёрочный. И горит запал бесконечные 4,5–5 секунд. За это время наши бойцы, кому в окоп такая граната влетела, успевали схватить её и швырнуть назад. Нашу гранату можно было привести в боевое состояние одной рукой, выдернув чеку зубами, а немецкую невозможно. И это не цирковые фокусы, а необходимость, если одна рука ранена, а то и вовсе оторвана, а враг наседает.

В «сидоры» побросали продзапас: сухари, кусок сала и банки тушёнки. И вес груза у каждого небольшой, и трое суток продержаться можно. Всё равно «сидора» увесистые получились за счёт боеприпасов и гранат. А ещё индивидуальные перевязочные пакеты. На поясах у всех ножи – самое необходимое оружие, в карманах пистолеты трофейные. За трофейное оружие отчитываться не надо, в личные документы не вписаны. Потерял, в бою из рук выбили, так и забот нет, как и трибунала. В военное время за утерю боевого оружия – трибунал и штрафная рота. А без пистолета плохо, это последний шанс выжить.

Около полуночи выбрались в траншею, группу Витковский провожал. Да не любезность оказывал, был приказ Верховного – группы разведчиков, сапёров и прочих военнослужащих, выходящих на нейтральную полосу, должен сопровождать старший воинский начальник подразделения. Были случаи перехода групп военнослужащих на сторону врага, причём командирам пехотных взводов и рот перебежчики представлялись то разведчиками, то сапёрами.

Уже когда бойцы выбрались из траншеи, Илья как замыкающий сказал старлею:

- Не ждите сегодня, не успеем обернуться.

Планировал Илья подальше в тыл к немцам уйти, километров на десять-пятнадцать. Там немец непуганый, не то что на передовой.

Сначала шли по нейтралке в полный рост: командир пехотной роты уверял, что ни наших, ни немецких минных полей нет. Затем легли и поползли, один за другим, гуськом. Немцы периодически пускали ракеты. Когда «люстра», как её называли на фронте, взлетала, все замирали. Как только гасла, ползли вперёд. Табачным дымком потянуло – траншея недалеко. Своего рода предупреждение – кто-то из солдат не спит. Либо часовой, либо пулемётчик на огневой точке. Про пулемётчика ротный смолчал, выходит, часовой. Мимо него пройти надо, но не убить. Тогда каждый дурак поймёт: разведгруппа в тыл прошла. Подобрались к брустверу. Слышны тяжёлые шаги часового, над бруствером мелькнул под луной примкнутый штык. Прошёл. Илья выглянул в траншею – пусто. Сам прыжком перемахнул, за ним трое разведчиков. Сразу залегли. Если кто-то из немцев шум слышал, может по траншее пройти, прислушаться. Несколько минут тишины, потом Илья пополз, за ним остальные. Ротный говорил, что на этом участке вторая линия траншей есть и в ней миномёты.

По штатному расписанию вермахта пехотный взвод имел миномётное отделение из трёх человек при одном миномёте. Стрелковых взводов в роте три. Командир роты мог своим решением установить все три миномёта в одном капониры, а мог распределить позиции равномерно. Структура стрелковой роты в вермахте сильно отличалась от пехотной роты РККА. У немцев 196 человек личного состава, три взвода по 49 человек, остальные – обеспечение вроде посыльных, писарей, поваров, санитаров, носильщиков раненых, ездовых, оружейного мастера. В случае массовой потери солдат, скажем при отступлении, командир роты временно мог перебросить солдат из этих подразделений в стрелковые

взводы. А у командира пехотной роты РККА возможностей для такого манёвра не было, да и рота численностью поменьше – 178 бойцов. Причём у немцев, отмотобилизованных и обученных, численность рот, батальонов, полков и дивизий соответствовала штатной, а в Красной армии чаще была ниже штатного расписания на четверть, а то и треть.

Где ползком, где в полный рост добрались до второй линии траншей. Здесь, как правило, численность военнослужащих меньше. А ещё сказывалась психология. Часовые были, но ракеты не пускали и службу несли более халатно, надеясь на камрадов в первой траншее. Могли позволить себе курить, разговаривать с другим часовым или вовсе пикивать на губной гармошке. Поэтому вторую траншею миновали быстро. Выбрались в чахлую рощу – и ходу, пока не уткнулись в реку, судя по карте, Тим. Надо форсировать, хотя по карте – до моста два километра. А только у немцев все мосты обычно под охраной. Разделись, оружие и одежду в плащ-накидки узлом свернули, вплавь реку одолели, толкая узел перед собой. Уже на другом берегу оделись. За преодолением передовой и переправой ночь пролетела. На востоке начало светать. В этих краях поздней весной или летом светает рано, в три тридцать. Пришлось найти укрытие, коим оказалась яма под вывороченным корнем. Сверху корень огромного поваленного дерева, с трёх сторон – земля, со стороны увидеть почти невозможно, если только вблизи. А им виден участок берега и реки. Поскольку ночь бодрствовали, решили отдохнуть по очереди. Один караулил, другие спали. Часа через два Илью боец толкнул:

– Товарищ старшина!

И палец к губам. Илья выглянул. Занятно! По берегу – четверо полевых жандармов с бляхами на груди, один на длинном поводке ведёт собаку. Крупная овчарка зигзагом впереди кинолога идёт. Собака дошла до места, где Илья с бойцами из воды вышел, крутанулась, но дальше пошла. У Ильи напряжение спало. Пожалуй, вот причина неудач наших разведгрупп. Наши разведчики уходили в кирзовых сапогах, а чистили обувь в РККА ваксой, а немцы гуталином. Запахи отличаются сильно, не то что собака – человек разницу почувствует. А группа Ильи вся в немецких сапогах, собака натаскана на ваксу «кирзачей». Пронесло, но могло кончиться плохо, а причина – сущая мелочь. Досадно!

В полдень перекусили тушёнкой и сухарями, банки пустые и обёртки – вощённую бумагу зарыли в земле, выкопав ножами ямку. Следов за собой оставлять нельзя, если живым к своим вернуться хочешь.

А как стемнело, двинулись. За день Илья определился по карте, где сами находятся, а где могут находиться немецкие тыловые подразделения. Обычно что наши, что немцы склады снабжения – провизией, боеприпасами, топливом располагали на пересечении железной и автомобильной дорог: удобно привезти-увезти по воинским частям. Здесь же руководство тыловых подразделений. И знают, где и какие части расположены, когда и кто наступать будет, ибо наступление не начинается на ровном месте и внезапно. По плану ведётся подготовка – завоз топлива для техники, боеприпасов, медикаментов. Если знать количество припасов, можно рассчитать предполагаемую глубину прорыва. В общем, тыловой начальник – добыча лакомая. Что знает командир роты? Только свой узкий участок фронта и узнаёт о подвижках – наступлении или отступлении – в числе последних.

Командир гаубичной батареи знает побольше, потому что машинами подвозят снаряды, а его начальство обозначает цели, которые должна подавить батарея. Но снова участок узкий, шириной пять-десять километров. А тыловики осведомлены о предстоящих действиях в полосе дивизии, армии, группы армий. Илья решил – уж если рисковать, так по-крупному. Вот потому вышли к Долгому, большому селу. И железная дорога со станцией есть, и автодороги. Склады, как правило, недалеко от станции.

К такому месту Илья свою группу вывел. Залегли, наблюдать стали. Склады на окраине села, а разведчики в чистом поле устроились, в высохшем русле ручья. Со стороны не видно, а искать никто не будет – место ровное, просматриваемое. Ночью тыловики не спали, работа кипела. Уходили гружёные машины, подъезжали порожние.

– Парни, высматриваем, где начальство может быть.

Биноклей в группе было два. Смотрели по очереди. Через какое-то время глаз «замыливался», наблюдатели менялись. По единодушному мнению, начальство в избе, в полусотне метров от склада, ибо туда шли немцы с грузовиков, причём не водители, а пассажиры. Скорее всего, это были начальники отделов полков, батальонов – в руках держали портфели или кипы бумаг. Сработать аккуратно надо, без выстрелов, чтобы была возможность уйти. Хотя бы полчаса форы, пока спохватятся. Один из разведчиков, Андрей Битков, доложил:

– Товарищ старшина! В избе четыре человека. Двое периодически выходят с бумагами.

Склад если и был огорожен, то колючей проволокой, в бинокль её не видно, впрочем, как и часовых. Но они должны быть, немцы охраняли своё добро тщательно. Часовые обнаружались при смене караула. Двое: один из них в небольшой дощатой будке, другой на дальней стороне. Разводящий пользовался фонариком и выдал тем самым посты.

Илья приказал выдвигаться к складу, ефрейтору Кузовлеву – снять часового. Момент удобный: до следующей смены три с половиной часа как минимум. Ефрейтор исчез в ночи, выждав немного, за ним двинулись остальные. Внезапно завывала сирена, на складе погасли все огни. По фронтовому времени их и так было немного, а теперь почти полный мрак.

В небе послышалось слабое тарахтение мотора, потом свист бомбы, взрыв! Самолёт, судя по звуку, У-2, переоборудованный с началом войны в лёгкий ночной бомбардировщик, совершил круг и сбросил ещё одну бомбу. Если первая взорвалась, не причинив вреда, то вторая угодила в грузовик. Взрыв, машина загорелась, пламя осветило другие машины по соседству. Тут же заработали зенитки – два малокалиберных зенитных автомата, до бомбёжки себя не выдавшие. У немцев с зенитным прикрытием хорошо было, они вовремя закупили швейцарские «Эрликоны», действовавшие на небольших высотах. А для больших высот у немцев были отличные 88-мм пушки. Позже их качающиеся части – ствол, гидравлику – стали устанавливать на башню тяжёлого танка «тигр» и самоходного орудия «Фердинанд».

Зенитных прожекторов на охране склада не было, и зенитчики лупили в ночное небо почём зря.

Авианалёт единственного У-2 здорово помог разведгруппе. Под шумок был снят часовой, подобрались к избе, где начальство склада сидело. Двери нараспашку, внутри никого, на столах бумаги. Илья сгрёб несколько, сунул в карман. Видимо, немцы попрятались в открытые щели или блиндажи. Стрельба зениток, как и шум мотора самолётика, стихла.

– Парни, где у них туалет?

- Должен быть на задах, как всегда в сёлах.

- Все туда - и ждём.

Через несколько минут к маленькому строению прошествовал немец. Илья прошептал:

- На выходе берём. Кузовлев, аккуратно бей по голове, только не насмерть.

Ефрейтор подобрался к туалету, встал сбоку. Когда немец открыл дверь, ефрейтор оказался за ней, ударил немца кулаком в висок. Удар опасный, чуть переборщишь, и вместо ценного «языка» - труп. Немец начал падать, ефрейтор его поддержал, опустил на землю мягко. Тут же другие разведчики подскочили, подхватили за руки, за ноги, понесли. Илья подобрал свалившееся с немца кепи. Вышли с территории склада у поста часового, которого Кузовлев немного раньше ножом убил. Бесчувственного «языка» связали, заткнули в рот приготовленную тряпку.

- Битков, Яковлев, отнесите часового и куда-нибудь спрячьте - в яму, канаву, воронку. Не забудьте его оружие.

Всё должно выглядеть так, как будто часовой покинул пост. Испугался бомбёжки или дезертировал - это пусть начальник караула решает. Главное сейчас - выиграть время. Хорошо, если час, а два часа - так отлично.

Разведчики вернулись быстро:

- Всё, старшой! Скинули в ручей, карабин туда же.

- А документы забрали?

Про документы Илья специально не упоминал, проверял - возьмут или нет? Разведчики только выматерились. Понятно, опростоволосились. Часовой - мелкая сошка, но по документам узнать можно, из какого полка, дивизии. Из таких мелких деталей складывается пазл. А парням наука, пусть впредь все детали учитывают. Человек всегда учится на ошибках, на победах опыта не наберёшься. Илья на часы посмотрел. Если повезёт, есть шанс сегодня до

рассвета выбраться к своим.

Пленного, пока в себя не пришёл, решили нести по очереди. На плечи, и бегом стометровку. Дистанция тьфу, кабы немец сверху не давил. Потом другой несёт, третий. И Илья не исключение, иначе выбьются из сил быстро. В поиске все равны. Как командир группы он имеет право отдавать приказы, но тяготы надо делить на всех, иначе для сослуживцев он своим не станет никогда. Бежали по грунтовой дороге – всё лучше, чем по лесу. Немцы по ночам стараются не ездить, только в составе колонны и обязательно при поддержке бронетехники. Работающий мотор они услышат, и риска пока не было.

Как Илья увидел маленький огонёк – просто везение. По расчётам, до моста ещё минут десять хода, а он уже рядом. Это часовой чиркнул зажигалкой, прикуривая. Илья, бежавший первым, сразу в сторону с дороги шарахнулся, за ним разведчики, все дышат тяжело. В сапогах, да с полной выкладкой, да с немцем на плечах пять километров показались втрое длиннее.

– Яковлев, – прошептал Илья. – На тебе часовой. Сними и тело в воду сбрось.

– Слушаюсь.

Рядовой исчез в темноте. Пять минут, десять, потом едва слышный всплеск воды. Затем из темноты показался Яковлев:

– Мост свободен.

И снова бегом километра два. Илья на часы поглядывал. Нет, не успеть. Траншеи, может, и перейдут, но на нейтралке застрянут. Риск велик: с ними «язык», хочется задание выполнить. От бега, да ещё периодически с нагрузкой выдохлись, в правом боку покалывать начало.

– Привал десять минут, – прохрипел Илья.

Сейчас уже траншеи начнутся, надо решать, что делать. Или искать укрытие и ждать следующей ночи, или перебираться на нейтралку. Повезёт – успеют к своим. Илья обратился к Кузовлеву:

- Немца посмотри, дышит ли? А то, может, уже труп тащим?

Ефрейтор к немцу наклонился, прислушался.

- Дышит.

И похлопал немца по щекам. Офицер в себя не приходил, а пора бы очухаться. Не переборщил ли ефрейтор с ударом? Обычно били по затылку, там кость прочнее, в висок рискованно удар наносить. Илья решил удостовериться - офицера ли взяли. Пощупал погон на немце. Погон с прямыми краями, на нём две квадратные звёздочки - гауптман, по-нашему капитан. У старших офицеров погоны витые, на ощупь сразу отличить можно. Стало быть, не зря в тыл к немцам забирались, не позарились на офицера с передовой. Лишь бы живого дотащить, а уж там «выпотрошат» до дна.

Дальше уже двигались осторожно. Через траншеи пришлось бережно, на руках переносить. Потом волокли за ворот, на спине.

Метров на сто - сто пятьдесят успели по нейтралке от немецких траншей удалиться, как солнце взошло. Укрылись в глубокой воронке, можно сказать, повезло. Немец в себя пришёл, задёргался. Глаза мутные, ничего толком не понимает: где он? Кузовлев поднёс увесистый кулак к носу офицера. Понял, притих. Днём с обеих сторон стрельба поднялась: сначала редкая винтовочная, потом пулемёты подключились, затем миномёты. Головы не высунуть, огонь плотный. Однако беспокожно. С чего бы стрельба? Если немцы в атаку пойдут, разведчики и «язык» в воронке в тяжёлой ситуации окажутся. Илья осторожно голову приподнял. Огоньки выстрелов с обеих сторон, пули так и посвистывают над головой, но никто не наступает. Через четверть часа стрельба постепенно стихать стала и прекратилась. Время тянулось медленно. Вот от чего страдали, так это от жажды: воду из фляжек выпили, а на обратном пути набрать некогда было, почти всё время бежали. Губы пересохли, язык шершавый и пота нет, хотя под солнцем лежат и укрыться негде. Всё же дождались темноты, выбрались из воронки. Немец сам шёл, двое разведчиков лишь придерживали его за локти. Кузовлев сказал с сожалением:

- От своего склада шёл бы так, фриц! А то на нашем горбу ехал.

Перед нашими окопами разведчиков окликнул часовой:

- Стой! Кто идёт? Пароль?

- Разведка, свои!

- Ложись, а то стрелять буду!

Пришлось подчиниться, по уставу часовой – лицо неприкосновенное, подчиняется только начальнику караула или разводящему, в случае неподчинения вполне может стрелять. Было бы глупо получить пулю, вернувшись из рейда, да ещё в десяти метрах от своей траншеи. Часовой подал сигнал свистком наподобие милицейского. До войны такие свистки были у милиции и дворников, ими вызывали помощь, если случались преступления или беспорядки. Ждать разводящего или начкара пришлось долго, хорошо, что лето. Когда караульный начальник прибыл, крикнул:

- Кто такие, из чьего хозяйства?

Под хозяйством понимался полк или дивизия.

- Суслова, а командир роты – старший лейтенант Витковский.

- Знаю такого. Сейчас попробую телефонировать.

Илью зло взяло. Голодные, обуреваемые жаждой, выполнившие приказ взять «языка», они будут вынуждены ещё какое-то время лежать на земле. Случайная мина или пулемётная очередь – и всем стараниям кранты!

- Всем лежать, – приказал Илья.

Сам же поднялся в рост и двинулся к траншее. Часовой фигуру увидел, а стрелять не решился.

- Товарищ... разведчик, не знаю вашего звания, не положено. Вот сейчас вернётся товарищ старший сержант, тогда другое дело.

- Разведчики мои с пленным вон там лежат. А ты мне покажи, где эта крыса?

– Какая? Нет у нас крыс.

– Который разводящий.

– Известное дело – в землянке.

– А командир взвода?

– Там же.

Илья прыгнул в траншею, зашагал к землянке, распахнул полог из брезента, что вместо двери был. Командир взвода, младший лейтенант, сидел на топчане, изрядно пьяный, с папиросой во рту, а старший сержант крутил ручку полевого телефона, дул в трубку, кричал «Алё!»

Илья подошёл к командиру взвода:

– Товарищ младший лейтенант! Группа разведки после трёхдневного рейда захватила пленного и сейчас находится на нейтральной полосе. Я командир группы, старшина Сафронов, действую по приказу командира дивизии. Вы саботируете приказ о немедленной доставке пленного в штаб, и я вынужден буду доложить по инстанции.

Илья специально нагнетал обстановку, соврал про комбрига. Взводного на передовой испугать чем-либо трудно, дальше фронта не пошлют, так он уже здесь. Угроза сообщить о саботаже подействовала. На фронте такое обвинение чревато трибуналом и суровым приговором. Младший лейтенант встал, изрядно качаясь, спросил у разводящего:

– Ты почему разведчиков не пропускаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tn.knigapoisk.com/korchevskiy_yuriy/gvardiya-v-ogne-ne-gorit

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)